

Еще раз к вопросу об эргативной конструкции *

Посвящается Собаке, которую так беспощадно убивают на страницах стольких лингвистических сочинений...

I. Вводные замечания.

За последние 10-15 лет **эргативная конструкция** и связанные с ней явления и понятия стали одной из самых популярных тем мировой лингвистики: количество книг, посвящённых этой теме, исчисляется десятками, а количество статей — сотнями, если не тысячами. (Заметим, что в СССР интерес к соответствующей тематике проявился гораздо раньше, ещё в 30-ые годы, и практически никогда не исчезал.) Это вполне понятно: эргативная конструкция (в дальнейшем — ЭК) фундаментальным образом отличается от номинативной конструкции, которая явилась ЕДИНСТВЕННОЙ базой для создания и развития современного теоретического синтаксиса. В то же время, ЭК находится на пересечении семантики, синтаксиса и морфологии, с немалым участием лексики, так что обсуждение ЭК затрагивает разом чуть ли не всю лингвистику! В этом — исключительный интерес ЭК, но в этом же — и существенные трудности её описания. Таким образом, ЭК бросает лингвисту дерзкий вызов; в настоящей статье я поднимаю перчатку.

Начну с того, что в связи с ЭК я не сообщаю новых фактов и не предлагаю новых теорий (в строгом смысле термина). Моя задача —

уточнить сам термин **эргативная конструкция**;

иначе говоря, это — чисто МЕТАЯЗЫКОВАЯ задача. Она привлекает меня потому, что несмотря на мой многолетний интерес к ЭК, ¹ я до сих пор во многих случаях не понимаю, о чём в точности идёт речь, когда говорят "эргативность", "эргативная конструкция", "эргативный язык" и т.п. Беда заключается в том, что используемые при этом понятия (такие, как "субъект", "объект", "переходный глагол", "подлежащее", "антипассив", ...) сами не определены — или, во всяком случае, недоопределены. В результате нередко затемняется даже вопрос о существовании ЭК в том или ином языке **L**. Ср., например, Sinclair 1976 или Gibson & Starosta 1987, где — вопреки традиционному взгляду (в частности, Hohepa 1969, Chung 1977, Полинская 1988) — авторы пытаются доказать наличие ЭК в маори; делается это на основе особой трактовки пассива, переходного глагола и подлежащего в этом языке (т.е. путём работы с гораздо более общими синтаксическими понятиями, которые должны были бы быть прояснены обязательно до разбора понятия ЭК и независимо от него — но, увы, не были). А если даже специалисты-эргативологи расходятся в ответах на

такой, казалось бы, простой и, по-видимому, базовый вопрос, как "Существует ли ЭК в L?" (вариант: "Является ли данная конструкция эргативной?"), то что же делать общему лингвисту, вынужденному заимствовать описания ЭК у специалистов? Естественный ответ — навести логический порядок в терминологическом хозяйстве эргативологов, что я и попытаюсь сделать. Существенно, что эта попытка ни в коей мере не является спором о словах: меня интересуют не столько имена (= термины), сколько стоящие за ними понятия, т.е. разграничения и отождествления наблюдаемых явлений. Что же касается терминов, то я постараюсь употреблять их максимально традиционным способом. В связи с характером настоящей статьи, я не могу обеспечить даже самый необходимый минимум ссылок; ограничусь указанием нескольких, на мой взгляд — наиболее влиятельных, книг и статей за последние 20 лет: Dixon, ed. 1987, Kibrik 1985, Dixon 1979, Plank, ed. 1979, Tchekhoff 1978, Catford 1976, Li, ed. 1976, Климов 1973, 1977, Comrie 1973, 1978 — и да простят меня те авторы, которых я нечаянно обошёл.

Аналогичная попытка была предпринята мной ранее, в Mel'čuk 1978 и 1988, Part III. Здесь я повторяю большую часть проведённых там рассуждений — с рядом существенных добавлений и уточнений, но в гораздо более сжатом, а потому — догматичном, виде.

Последнее замечание: мой единственный объект в настоящей статье — это ЭРГАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ как определённая синтаксическая единица. Я не буду говорить здесь об "эргативных языках", поскольку они, по моему мнению, должны быть определены как "языки, в которых преобладает ЭК", т.е. после корректного определения ЭК. Что касается "эргативности", то это выражение я сознательно избегаю, поскольку речь всегда должна идти об эргативности ЧЕГО-ТО, а мне кажется предпочтительным рассматривать непосредственно это "эргативное ЧТО-ТО"; однако мне неизвестно, что ещё может быть эргативным, кроме конструкции или языка 2).

II. Проблема языка лингвистики.

В рамках предполагаемого обсуждения особое значение приобретает сам используемый МЕТАЯЗЫК, иначе говоря — язык лингвистики; в частности, я имею в виду систему исходных понятий, в терминах которых может описываться ЭК и другие интересующие нас здесь явления. Однако прежде чем перейти к их формулированию, я хотел бы самым примерным образом очертить характер того лингвистического метаязыка, которым я собираюсь пользоваться. Это удобно сделать, зафиксировав пять следующих принципов.

1) ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОЛЬ МЕТАЯЗЫКА. Система точных понятий абсолютно необходима для современной лингвистики. Слегка преувеличивая, я могу сказать, что хороший метаязык для меня равнозначен хорошей лингвистической теории (ср. сходные замечания в Timberlake 1987: 77). Понятное и однозначное описание конкретных языковых фактов невозможно без удовлетворительного метаязыка; особен-

но это верно в области синтаксиса, ибо весьма часто синтаксические явления — в отличие от семантических и морфологических — языковой интуиции непосредственно недоступны.³

2) **АБСТРАКТНЫЙ ХАРАКТЕР ПОНЯТИЙ.** Лингвистические понятия должны быть достаточно абстрактны; они не зависят от тех или иных особенностей конкретных языков, а определяются только в связи друг с другом и только исходя из логических соображений. Это означает, что с моей точки зрения системы лингвистических понятий следует разрабатывать как **логические исчисления**. Тогда становится возможным чёткое описание реальных явлений разных языков и достигается их "соизмеримость". Иначе говоря, такое понятие, как, например, 'пассив', должно формулироваться без ссылки на какие бы то ни было особенности конкретных пассивов (семантические, прагматические или какие-либо иные), но так, чтобы, скажем, пассивная трансформация была применима к переходным глаголам, а пассивный глагол был непереходным, и т.п. Определять основной "немаркированный" падеж, т.е. номинатив, следует также без ссылок на другие падежи или какие-либо специфические конструкции: так, чтобы избежать различных — в зависимости от языкового контекста — наименований для сходных по существу единиц (которые, однако, могут употребляться в разных языках совершенно по-разному). Я безусловно предпочитаю, например, говорить "номинатив в такой-то специфической роли", нежели "абсолютив" (этим последним термином как раз обозначают номинатив в особой роли — в роли прямого дополнения или в роли подлежащего исключительно непереходных глаголов).

3) **ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЙ.** Всякое лингвистическое понятие должно определяться совершенно чётко, несмотря на то, что в языковой действительности соответствующие явления бывают обычно весьма расплывчаты и имеются многочисленные промежуточные случаи. Поэтому определение должно строиться с расчётом на наиболее "чистое", **прототипическое** явление, так что другие, менее типичные явления подходят под это определение по аналогии (= по большему или меньшему сходству). Чёткие определения "натягиваются" на весьма нечёткую действительность: таков предлагаемый способ работы с вводимыми понятиями.

4) **МАКСИМАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ПОНЯТИЙ.** Каждое понятие должно быть максимально общим, т.е. покрывать **самый широкий класс** рассматриваемых явлений. Специальные подклассы этого класса задаются соответствующим термином с ограничивающими модификаторами. Так, в нашем случае понятие (и термин) *эргативная конструкция* следует определять безотносительно к типу глагола, к сопутствующим морфологическим характеристикам, к сходству или различию оформления других членов предложения и т.д. Все такие факторы могут быть учтены путём добавления уточняющих определений: *ЭК при*

переходном / непереходном глаголе ; ЭК, в которой дополнение при переходном глаголе оформляется так же / не так же , как подлежащее при непереходном глаголе ; и т.д.

5) Признаковая сущность понятий. Во многих случаях лингвистическое понятие задаётся **системой признаков** (= features), т.е. множеством условий, которым должна удовлетворять рассматриваемая единица, чтобы её можно было называть соответствующим термином. В прототипическом случае эти условия выполняются все, в менее "чистых" случаях – только часть их. (Эта особенность предлагаемого метаязыка очевидным образом связана с прототипической ориентацией определений.)

Опираясь на указанные принципы, я перейду к введению необходимых понятий. Подчеркну, что я не претендую на авторство все четыре представления фразы (1):

(1) *Петя убил собаку.*⁴

Эта фраза выбрана таким образом, чтобы хорошо проиллюстрировать все нужные нам явления, связанные с ЭК.

ИВ: В дальнейшем, хотя для простоты мы говорим о *представлениях*, везде имеется в виду только центральная структура каждого представления (каковое состоит из нескольких структур). Иначе говоря, вместо полного СемП приводится только Сем-структура, вместо ГСинтП – только ГСинт-структура, и т.д.

В (2) дано СемП фразы (1) – с точностью до представления грамматических характеристик (не показаны вид, время и наклонение глагола, число существительных) и до коммуникативной организации (не показано деление на тему и рему, не отмечен денотативный статус имён и т.п.). В СемП (2) подчёркнут **доминантный узел**, т.е. семема, к которой "сводится" описываемое значение ("Убийство – это такая каузация").

СемП (2), являющееся сетью (в математическом смысле термина), может быть записано и на несколько условном русском языке:

(3) 'Непосредственное физическое воздействие Пети на собаку каузировало то, что жизнь собаки прекратилась'

Из (3) легко извлекается словарное толкование глагола УБИТЬ (в нужном значении):

(4) X убивает Y-а = Непосредственное физическое воздействие X-а на Y-а каузирует то, что жизнь Y-а прекращается. ⁵

всех из них: многие уже были, так или иначе, предложены другими исследователями и подробно обсуждены. Элемент новизны заключается в том, что здесь все эти понятия рассматриваются в рамках единого подхода, так сказать, системно.

III. Вспомогательные понятия.

Как уже было отмечено, ЭК непосредственно затрагивает все три основные типа представления высказываний: семантическое, синтаксическое и морфологическое представления; она также неразрывно связана с такими понятиями, как "переходность" и "залог" (в частности, с различием "актив" ~ "пассив"). Следовательно, для корректного определения ЭК мне понадобится сначала задать принятые уровни представления и определить указанные понятия; это, однако, требует не просто отдельных статей, но, я полагаю, специальных книг. Единственный выход – принять используемые представления (= репрезентации) и нужные промежуточные понятия как постулаты, безо всякого обоснования – хотя, разумеется, в виде строгих определений. Более того, эти репрезентации и понятия могут быть сформулированы только в рамках некоторой достаточно формальной и развитой теории, каковую тоже придется принять в качестве постулата. Я исхожу из главных посылок и формальных средств лингвистической теории "Смысл ↔ Текст" (см., например, Жолковский и Мельчук 1967, Мельчук 1974, Mel'čuk 1988: 43-101); характеризовать эту теорию здесь, естественно, невозможно. Приходится ограничиться схематичным заданием различаемых уровней представления и выписывать определения нужных понятий без должного обсуждения и достаточных объяснений. В результате я вынужден делать большое количество оговорок, а потому – употреблять гораздо больше примечаний, чем это принято для статей подобного типа.

1. Уровни представления высказываний. С точки зрения ЭК нам понадобятся четыре следующих уровня представления языковых высказываний:

- Семантический : Сем(антическое)П(редставление).
- Глубинно-синтаксический : ГСинтП.
- Поверхностно-синтаксический : ПСинтП.
- Глубинно-морфологический : ГМорфП.

Охарактеризуем каждый из них, используя в качестве примеров Переменные X и Y изображают **семантические актанты** лексемы УБИТЬ (= аргументы соответствующего предиката).

Формальный язык, на котором записано предложенное СемП, является, грубо говоря, графическим вариантом⁶ языка исчисления предикатов (без обязательной квантификации): номера на дугах сети, направленных от предиката к его аргументам, суть номера аргументов.

Примем, что все семантические элементы должны быть выражены в СемП ЕДИНООБРАЗНО, а именно — только узлами, тогда как дуги выражают исключительно предикатно-аргументные отношения. Тогда получается, что "именованных", т.е., семантически интерпретируемых, дуг быть не может. Тем самым, в СемП не существует таких элементов, как 'агенса', 'объекта' (или 'пациенса'), 'воспринимающий' и т.п. (столь обычных в работах по проблемам ЭК): это для меня попросту не семантические единицы.⁷ В СемП фразы (1) и во всех подобных СемП для них нет места.

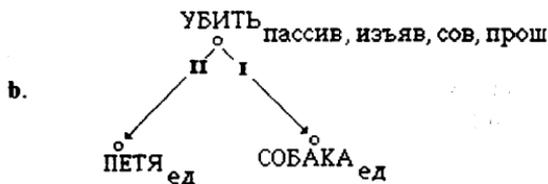
Эта существенная особенность охарактеризованного СемП объясняет, почему я не могу, оставаясь в рамках принятого мною подхода, воспользоваться традиционным определением ЭК:⁸ в нём "Агенса", "Субъекта" и "Объекта" играют центральную роль, тогда как я не умею придать этим терминам какое-либо чёткое семантическое содержание (впрочем, см. ниже).

ГСинтП фразы (1) — с точностью до коммуникативных сведений — дано в (5):

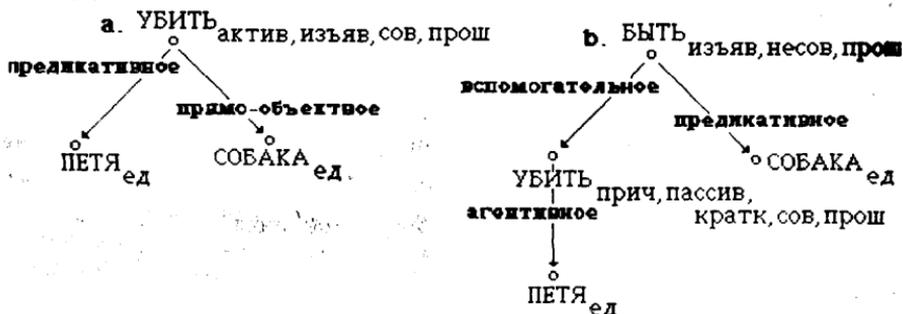
ГСинтП некоторой фразы есть **нерасположенное дерево зависимости**, т.е. дерево, на узлах которого не задан линейный порядок. Узлы ГСинтП помечены однозначными лексемами представленной фразы, а ветви — символами универсальных ГЛУБИННО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ между этими лексемами; грубо говоря, это актантные (I, II, ...) vs. атрибутивное (ATTR) и сочинительное (COORD) отношения. Как мы видим, в ГСинтП также нет ни Агенса, ни Субъекта, ни Объекта: эти элементы не являются и глубинно-синтаксическими. Они кажутся мне чисто металингвистическими понятиями, вполне пригодными (и даже весьма удобными) для ОБСУЖДЕНИЯ языковых явлений — но совершенно неуместными в какой-либо последовательной системе ПРЕДСТАВЛЕНИЯ высказываний, основанной на семантических разложениях. Подчеркну, что я вовсе не отрицаю возможность придать этим понятиям достаточно точный смысл. Агенса, например, может быть определён как такой-то семантический актант такого-то предиката или каким-либо иным сходным образом; я утверждаю только, что в СемП или в ГСинтП этих элементов быть не может. (Ср. в этой связи замечания в Goddard 1982: 181-182 и подробную дискуссию в Foley & Van Valin 1984: 28 и сл.)

Пассивный вариант фразы (1) выглядит на ГСинт-уровне следующим образом:

Технически говоря, для меня пассив – это просто морфологическое выражение конверсного отношения между двумя предикатами. Языковые различия между конкретными активными и пассивными конструкциями намеренно не выражаются в ГСинтП – они релевантны лишь на ПСинт-уровне. (См. Определение 6 ниже.)

ПСинтП фразы (1) и её пассивного варианта:
(6)

ПСинтП некоторой фразы также есть нерасположенное дерево зависимостей, узлы которого помечены, однако, ВСЕМИ лексемами этой фразы (т.е. не только полнозначными, но и служебными); ветви его несут имена конкретных поверхностно-синтаксических отношений, характерных для данного языка. Это отношения типа "сказуемое – подлежащее" (= предикативное), "сказуемое – прямое дополнение" (= прямо-объектное), "предлог – существительное" (= отпредложное), "вспомогательный глагол – знаменательный глагол" (= вспомогательное) и т.д.

ГМорфП фразы (1) и её пассивного варианта:
(7)

а. ПЕТЯ ед, им УБИТЬ актив, изъяв, сов, прош, ед, муж

СОБАКА ед, вин

б. СОБАКА ед, им БЫТЬ изъяв, несов, прош, 3, ед, жен

УБИТЬ прич, пассив, кратк, сов, прош, ед, жен ПЕТЯ ед, твор

ГМорфП некоторой фразы есть (линейно упорядоченная) последовательность имён всех лексем этой фразы, снабжённых всеми морфологическими характеристиками. (Их словарные характеристики – такие, как часть речи, род существительных, модель управления и т.п.,

— хранятся в их словарных статьях и 'в самих представлениях, в частности — в ГМорфП — не появляются.)

2. **Модель управления.** Соответствия между элементами разных уровней, зависящих в тексте от данной леммы, задаются с помощью так называемой модели управления (МУ). Это один из возможных способов описания *диатезы*, или соответствия между семантическими и глубинно-синтаксическими актантами данной леммы: диатеза указана в первой строке МУ. Вторая строка МУ задаёт соответствующий поверхностно-синтаксический актанта, а третья строка — конкретную морфологическую форму или необходимый предлог, союз и т.п., реализующие данный ПСинт-актанта. Для УБИТЬ (в активе) модель управления имеет следующий вид: ⁹

X = I	Y = II
предикативное	прямо-объектное
S _{им}	S _{вин}

МУ пассивной формы глагола в словаре, разумеется, не указывается: она получается из исходной (= словарной) МУ по стандартным для данного языка правилам. (См. такое правило, например, в Mel'čuk and Pertsov 1987: 319.)

3. "Особый" элемент каждого уровня представления высказываний. С точки зрения определения ЭК, представляется целесообразным исходить из следующего допущения:

На каждом из указанных уровней представления возможно выделить некоторый "особый" элемент, являющийся в каком-то смысле привилегированным в данном языке **L**: он обладает свойствами и возможностями, существенными для описания **L**, которых лишены его собратья.

Я не знаю, насколько универсально это допущение, т.е. применимо ли оно ко ВСЕМ языкам; я буду предполагать, что его можно принять для очень многих (возможно, даже для большинства) языков. Именно для этих — и только для этих — языков действительны понятия, определяемые в настоящей статье.

• На уровне СемII особым элементом является семема 'каузировать'. Эта семема наличествует в смысле огромного количества слов любого языка, в частности — в смысле большинства глаголов, в первую очередь — переходных, которые столь существенны для ЭК. Более того, в очень многих языках она является содержанием особой морфологической категории — каузатива. Наряду с семемой 'каузировать', для нас будет важен также элемент, выступающий как первый Сем-актанта первого Сем-актанта этой семемы, т.е., так сказать, **Каузатор**: тот, кто совершает каузирующее действие. Так, в (1), **Каузатор** — это *Петя*, ибо каузируют смерть собаки именно действия

Пети. (Заметим, что Каузатор не есть семантический элемент; это метаязыковое понятие того же типа, что Агенс или Пациенс и т.п. Каузатор, однако, определяется семантически совершенно точно.)

• На уровне ГСинтП, особый элемент — это ГСинт-актант I. Он объявляется особым, поскольку подлежащее всегда (по определению) соответствует ГСинт-актанту I (хотя обратное и неверно); см. непосредственно ниже.

• На уровне ПСинтП, особый элемент — подлежащее. Подлежащее (англ. *grammatical/syntactic subject*) определяется как наиболее ПСинт-привилегированная NP (= именная группа) данного языка. Более точно, сначала определяется базовое подлежащее — прототипическое подлежащее в простейших типовых фразах данного языка **L**; затем выбираются такие ПСинт-свойства (P_i) подлежащего, которые реализуют его "привилегированность" в **L**; и, наконец, путём сравнения по (P_i) с базовым подлежащим — т.е., РЕКУРСИВНО — устанавливаются остальные, "небазовые" подлежащие языка **L** (подход, намеченный в Мельчук и Саввина 1974; см. классическую статью Keenan 1976a, а также Mel'čuk and Savvina 1978, Кибрик 1979, Козинский 1983, Mel'čuk 1988: 160 и сл.). Типичные (P_i) подлежащего в различных языках:

- не допускать внеконтекстное (= не эллиптическое) опущение;
- контролировать согласование сказуемого (иногда — особый тип согласования);
- допускать сочинительное сокращение с базовым подлежащим (типа *Он убил её* и *[он] ушёл* или *Он пришёл* и *[он] убил её*);
- контролировать употребление деепричастия;
- контролировать употребление различных синкатегорематических (= ориентированных на подлежащее) наречных выражений;
- контролировать употребление возвратных местоимений;
- контролировать "синтаксическое повышение" и "устранение при совпадении" (*Raising, Tough -Movement, Equi-Deletion*);
- контролировать эллипсис кореферентных местоименных элементов (например, именных классификаторов в языке хакальтек);
- допускать (в отличие от других NP) вставку перед собой фразовых частиц (в частности, вопросительных и восклицательных, как в мальгашском);
- допускать/не допускать при себе те или иные детерминанты (например, слабореферентный артикль *he* в маори (см. раздел VI.2);
- и т.д. (см. списки таких (P_i) в указанных работах).¹⁰

Подчеркнём, что понятия "простейшая типовая фраза" и "привилегированность [синтаксических единиц]", столь важные в наших рассуждениях, сами нуждаются в уточнении. Тем не менее, я считаю целесообразным использовать их, пусть и не в совершенно отчётливом виде: они позволяют усмотреть важные соотношения.

Попросту говоря, подлежащее есть ПСинт-элемент, с помощью которого удаётся компактно и последовательно формулировать ряд правил, описывающих ПСинт-поведение важнейшей именной составля-

ющей фраз в **L** БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РОЛИ ЭТОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ. (Аналогичным образом предполагается определять и другие члены предложения: прямое и косвенное дополнения и т.д.)

Определение 1: **подлежащее**.

Единственная **NP** в простейших типовых фразах языка **L** называется **базовым подлежащим**. (Если в простейших фразах языка **L** появляются **NP** более чем одного типа, то, прежде чем двигаться дальше, мы должны сравнить их и выбрать из них наиболее привилегированную: она и будет базовым подлежащим. Так обстоит дело в языке ачэ. 11)

Подлежащим в языке **L** называется либо базовое подлежащее, либо та **NP**, которая наиболее похожа на базовое подлежащее по релевантным синтаксическим свойствам (P_i).

Определение 1 основано на предположении, что в любом языке найдутся такие ПСинт-свойства (P_i), которые позволят без колебаний выбрать в качестве привилегированной ровно одну **NP**. Неочевидно, однако, что это предположение верно для всех языков: нет никакой логической необходимости, чтобы все релевантные ПСинт-свойства (P_i) в **L** характеризовали во всех фразах одну **NP**; они могут быть как распределены между двумя (или даже бóльшим числом) **NP**, так и не характеризовать ни одну **NP**. Многие исследователи утверждают, что именно такое положение имеет место в ряде языков (см, в частности, Schachter 1976, Кибрик 1979 и Foley & Van Valin 1984: 101 и сл.) Я, к сожалению, не имею возможности проверить истинность подобных утверждений: с одной стороны, требуется большое количество фактических данных, которыми я не располагаю; с другой, понятие "субъекта/ подлежащего", как оно используется в имеющихся описаниях, настолько расплывчато, что обычно невозможно понять, что в точности имеют в виду, когда говорят об отсутствии "субъекта/ подлежащего" в том или ином языке. Это, однако, не очень существенно в данном контексте: Определение 1, как и все прочие определения, предлагаемые ниже, не претендует на абсолютную универсальность. Все они рассчитаны на применение к определенному кругу языков и должны оцениваться только в пределах этого круга. Чтобы обобщить наши определения на языки других типов, не учтённых в настоящей статье, очевидным образом необходима дополнительная работа.

• И, наконец, на уровне ГМорфП, в качестве особого элемента выступает именительный падеж — **НОМИНАТИВ**.

Определение 2: **номинатив**.

Номинативом в языке **L** (имеющем падежи) называется тот падеж, который может употребляться вне синтаксического контекста для прямого называния (= обозначения) вещей (например, появляться на этикетках и вывесках, типа "Клубничный джем", "Туалет", "Школа").

Заметим, что при таком определении номинатива, падежа *абсолютив* быть не может: то, что называют "абсолютивом", есть, по определению 2, номинатив (быть может, в особой роли).

Указанные четыре элемента — 'каузировать' (и Каузатор), ГС-актант I, подлежащее и номинатив — выбираются в качестве опорных понятий для определения ЭК и родственных явлений.¹²

IV. Эргативная конструкция.

ЭК есть частный случай (синтаксической) предикативной конструкции, т.е. конструкции "подлежащее — сказуемое"; "конструкция" есть понятие поверхностно-синтаксическое; поэтому для нас "ЭК" — также понятие поверхностно-синтаксическое. Следовательно, оно должно существенным образом опираться на выделенный элемент ПСинт-уровня: на подлежащее. (В этом утверждении нет ничего оригинального: большинство исследователей с ним, по-видимому, согласны — хотя и далеко не все. Новшество заключается в его педантично последовательном применении.)

ПСинт-конструкции разных языков различаются, в частности, тем, 1) как в них выражаются элементы Сем-уровня и 2) как их собственные элементы выражаются на ГМорф-уровне. Используя "особые" элементы трёх¹³ соответствующих уровней, мы можем построить типологию предикативных конструкций в языках мира (**КВ**: исключая, разумеется, те языки, в которых невозможно определить подлежащее). Эта типология основана на следующих двух признаках, один из которых характеризует рассматриваемый язык **L**, а другой — подлежащее рассматриваемой предикативной конструкции с глаголом в некоторой определённой диатезе:

- в данном языке **L** при глаголе данной диатезы
подлежащее может выражать каузатора: + / - ;
- в данной конструкции подлежащее маркируется
номинативом: + / - .

В результате мы имеем четыре типа предикативных конструкций (в примерах подлежащее выделено полужирным шрифтом).

Типология предикативных конструкций

1. Подлежащее может выражать каузатора и маркируется номинативом

номинативная конструкция непременного или активного переходного глагола в языках типа индоевропейских (глаголы обозначают как действия, так и состояния)

(8) **Он** убил собаку.

2. Подлежащее не может выражать

каузатора и маркируется номинативом

номинативная конструкция в языках типа лезгинского (все глаголы — непереходные, обозначают исключительно состояния или их изменения); номинативная конструкция активного переходного глагола в языках типа аварского (если считать, что подлежащим переходного глагола является NP в номинативе); номинативная конструкция пассивного глагола в языках типа индоевропейских, грузинского, ряда новоиндийских и т.п.

(9) лезгинский

A +da k^hic^ε +θ q^εe +na
он ЭРГ собака НОМ умирать AOP
'Он убил собаку',
букв. 'Через-него собака умерла'

(q^εe- — непереходный глагол; k^hic^ε q^εena 'Собака умерла' есть совершенно полная и контекстно-независимая фраза — точно такая же, как её русский перевод).

3. Подлежащее может выражать каузатора и маркируется не номинативом

эргативная конструкция активного переходного глагола в языках типа грузинского, чукотского или непали

(10) грузинский

Man zaγl +i tok^l +a
он-ЭРГ собака НОМ убивать AOP.ЗЕД
'Он убил собаку'.

4. Подлежащее не может выражать каузатора и маркируется не номинативом

патетивная конструкция активного переходного глагола в языках типа дьирбала¹⁴

(11) дьирбал

Guda +θ ba +γgi +l balga +n
собака ПАТ он ИНСТР убивать ПРОШ
'Он убил собаку',
букв. 'Собака им подверглась-убийству'

(balgal — переходный глагол, означающий, однако, не 'бить/убивать', а 'получать удары / подвергаться убийству'; при этом он не пассивен, ибо имеет свою пассивную форму balga +γay, которая значит 'бить / убивать'!).

Обсуждение того, что именно и почему является подлежащим в примерах (9)-(11), см. в Mel'čuk 1988.

Отметим существенную диссимметрию в предложенной терминологии: тогда как конструкции типа 3 и типа 4 называются по-разному

(эргативная ~ патетивная), конструкции типа 1 и типа 2 называются одинаково (номинативная). Это связано с тем, что чисто синтаксически конструкции типа 1 и типа 2 тождественны; их различие лежит на семантическом уровне. Если угодно, их можно различать с помощью модифицирующих прилагательных: **переходно-непереходная номинативная конструкция ~ непереходная номинативная конструкция**.

Сформулируем, наконец, само определение ЭК.

Пусть имеется предикативная конструкция **К** языка **Л** с глаголом **V** и подлежащим **NP**:

Определение 3: эргативная конструкция.

Эргативной конструкцией называется такая предикативная конструкция **К**, которая удовлетворяет одновременно трём следующим условиям:

- 1) в языке **Л** подлежащее при глаголе той же диатезы, что и **V**, может выражать каузатора;
- 2) подлежащее конструкции **К** маркируется не номинативом;
- 3) падеж подлежащего в **К** не зависит исключительно от собственной семантики подлежащего в данной фразе (от его определённости / неопределённости, партитивности и т.п.), но навязывается либо глаголом — его лексемными свойствами и/или его словоизменительной формой, либо семантическим отношением между подлежащим и глаголом.

Как можно видеть, я намеренно не связываю ЭК ни с переходностью глагола, ни с особым падежом подлежащего, ни с оформлением прямого дополнения, как это обычно делается в традиционных определениях ЭК. Определение 3 применимо ко всем предикативным конструкциям (независимо от типа глагола, от падежа подлежащего, от одинаковости/неодинаковости оформления подлежащего и других членов предложения, и т.д.), тогда как традиционные определения ЭК ограничиваются весьма специальным подклассом предикативных конструкций (конструкции с переходным глаголом, с прямым дополнением, оформленным так же, как подлежащее непереходного глагола, и с подлежащим, оформленным особым образом). Определение 3 допускает гораздо большее разнообразие ЭК, а именно:

— ЭК при непереходном глаголе, как в следующих грузинских фразах:

- (12) а. *Bavš + ma icoca*
 ребёнок ЭРГ пополз
- б. *Bavš + ma mošarda*
 ребёнок ЭРГ помочился
- с. *Čaidan + ma i yi yina lidu ya*
 чайник ЭРГ зашумел / закипел

Напомним, что в грузинском языке ЭК обязательна при глаголе в форме, образованной от основы аориста; при формах презенса обязательна номинативная конструкция (т.е. ЭК невозможна). Кроме того, ЭК обычна при переходных глаголах; непереходные глаголы, требующие подлежащего в эргативе, хотя и достаточно многочисленные, образуют в грузинском лексически ограниченный класс. Однако в близкородственном мегрельском подлежащего в эргативе требуют вообще все глаголы в аористе, в том числе – все непереходные глаголы. Здесь, таким образом, эргативная конструкция при непереходном глаголе является нормой. (Не в аористе в мегрельском, как и в грузинском, выступает номинативная конструкция.) Эргативная конструкция при формах прошедшего времени непереходных глаголов распространена, например, ещё в пушту.

NB : Непереходные глаголы в (12) выступают в исходной (= словарной) диатезе; в грузинском подлежащее многих (фактически – подавляющего большинства) переходных глаголов в исходной диатезе выражает каузатора; таким образом, Определение 3 признаёт все конструкции в (12) эргативными.

– ЭК с подлежащим в специальном "эргативном" падеже (= эргативе, см. выше), а также в генитиве, обликвусе, инструменталисе и т.д., т.е. не в номинативе, но и не в эргативе:

(13) а. лакский

Uss +il lu +∅ b +ukka +j
 брат **ГЕН** книга(III) НОМ III читать 3
 'Брат книгу читает'.¹⁶

б. пушту

Mā makāla +∅ likəl + a
 я- **ОБЛ** статья(ЖЕН) ЕД.НОМ писал ЖЕН.ЗЕД
 'Я статью писал'.

с. чукотский

Tumg + e ŋew? +ən jara +k pela +∅ +nen
 друг **ИНСТР** жена НОМ дом ЛОК оставлять АОР ЗЕД.Суб-ЗЕД.Объ
 'Друг жену дома оставил'.

В свете этих фактов было бы более логичным говорить не об ЭК, а просто о "не-номинативной" конструкции, различая затем её подвиды в зависимости от падежа подлежащего: эргативная / дативная / генитивная / инструменталисная / субъективная /... конструкция. Я, однако, не поступаю так, чтобы не порывать слишком резко с устоявшейся традицией.

– ЭК с прямым дополнением в номинативе (совпадающим по падежу с подлежащим при непереходных глаголах), как в грузинском или алыторском:

(14) грузинский

Bavš +∅ +ma c'eril +∅ +i dac'er +a

ребёнок ЕД ЭРГ письмо ЕД **НОМ** написать АОР.ЗЕД
'Ребёнок написал письмо'.

(15) алюторский

Урици + tok na + nəsvissav + Ø + ən maniwra + n
ребёнок МН.ИНСТР ЗМН.Суб поставить АОР ЗЕД.Объ палатка **ЕДНОМ**
'Дети поставили палатку'.

– ЭК с прямым дополнением в аккумулятиве (т.е. с дополнением, не совпадающим по падежу с подлежащим при непереходных глаголах), как в кала-лагау-я (язык островов Западного Торресова пролива, известный также как лэнгус):

(16) кала-лагау-я

a. Garkaz + in na + n gasam + nu 'Мужчина поймал её'.

мужчина ИНСТР она **АКК** поймать ПРОШ

b. Na + Ø mangi + ma 'Она пришла'. 17

она **НОМ** приходить ПРОШ

Иначе говоря, в кала-лагау-я прямое дополнение, переходное подлежащее и непереходное подлежащее оформляются все три разными падежами. Подобное тройственное различие встречается и в других австралийских языках (Goddard 1982:170 и след.); например:

(17) вангкумара (Mallinson & Blake 1981: 50-51)

a. Kana + ulu kalka + ŋa ŋi + nana .

мужчина **ЭРГ** ударить ПРОШ сука **АКК**

'Мужчина ударил суку'.

b. Kana + ia palu + ŋa

мужчина **НОМ** умереть ПРОШ

'Мужчина умер'.

Главная идея Определения 3, как было указано в разделе II, состоит в том, чтобы определить ЭК самым общим образом, а затем различать там, где надо, её специальные подтипы.

В соответствии с Определением 3, в (10) мы имеем образцово-показательную эргативную конструкцию: а) подлежащее в грузинском языке устанавливается несомненным образом; б) выражение каузатора при переходном глаголе – самая обычная функция грузинского подлежащего; в) эргатив в грузинском также несомненен: он не совпадает формально ни с одним другим падежом. В эргативологической литературе к подобным явлениям применяют термин *морфологическая эргативность* (чего? Непонятно. Не конструкции же! Именно поэтому я и предпочитаю не употреблять этот термин вообще). В (9) представлена синтаксически самая обычная номинативная конструкция, хотя семантически она не такая, как, скажем, в русском: в ней подлежащее – обязательно не каузатор (оно может выражать носителя свойства или состояния, "некаузирующего" деятеля, подвергающуюся каузации сущность, и т.п.). В литературе об этом часто говорят, как о *синтаксической эргативности* (термин кажется мне неудачным по той же причине, что и предыдущий). 18

Вопрос об удачности / целесообразности Определения 3¹⁹ должен решаться с точки зрения его экстенционала:

1) Существуют ли конструкции, которые Определение 3 признаёт эргативными, тогда как по каким-либо другим серьёзным соображениям считать их эргативными не следует?

2) Существуют ли конструкции, которые Определение 3 не признаёт эргативными, тогда как по каким-либо другим серьёзным соображениям их следует считать эргативными?

В случае положительного ответа хотя бы на один из этих двух вопросов, Определение 3 нуждается в соответствующих уточнениях.²⁰

Завершая настоящий раздел, я хотел бы бегло коснуться трёх следующих вопросов: ЭК в языках, не имеющих падежей; ЭК и эргатив(-ный падеж); выбор ЭК в языках, где ЭК выступает наряду с номинативной конструкцией.

1) Определение 3 можно обобщить так, чтобы оно было применимо и к языкам, не имеющим падежей. Для таких языков необходимо сначала определить понятие "номинативного косвенного оформления" подлежащих в ГМорФП-е. Под **косвенным оформлением подлежащего** мы понимаем здесь выражение роли подлежащего с помощью порядка слов, согласования с глаголом-сказуемым или просодии, т.е. любыми средствами, кроме падежной маркировки самого подлежащего; **НОМИНАТИВНЫМ** предлагается называть косвенное оформление подлежащего в базовых фразах. Всякое иное оформление есть не-номинативное. Указанные понятия обеспечивают различие номинативной и не-номинативной (= "эргативной") конструкции в беспадежных языках (таких, как абхазский или хакальтек).

2) По Определению 3, ЭК не связана с наличием в данном языке эргатива как особого падежа.

Определение 4: **эргатив(ный падеж)**.

Эргативом называется такой падеж, который употребляется исключительно для маркировки подлежащего или агентивного дополнения (а также трансформов прямого дополнения при формах детранзитива, см. ниже, стр. 00).

Таким образом, грузинский падеж на *-ma* (*motxrobiti*) или лезгинский падеж на *-di / -da* есть эргатив, тогда как, например, чукотский падеж на *-ta / -te* или падеж на *-le* в непали — это не эргатив, а инструменталис. Эргатив может выступать и вне ЭК (как в лезгинском, см. (9)), а типичная ЭК может пользоваться для маркировки подлежащего и не эргативом (гёнитивом, как в лакском, обликвусом, как в пушту, или инструменталисом / локативом, как в чукотском, см. (13)).²¹

3) Полная теория ЭК должна включать обзор факторов, управляющих выбором ЭК в конкретных фразах (в противопоставлении к

возможной в данном языке номинативной конструкции). Здесь я ограничусь простым указанием трёх важнейших типов факторов: семантических, синтаксических и морфологических. ЭК может навязываться:

- СЕМАНТИКОЙ предложения. Например, сознательные, целенаправленные действия требуют ЭК, а несознательные или нецеленаправленные её не допускают; меньшая "агентивность" подлежащего по сравнению с дополнением требует ЭК, а неменьшая её не допускает, ср. примечание 15; бóльшая / меньшая тематичность подлежащего благоприятствует / препятствует ЭК (т.е., существенную роль играет и коммуникативная организация текста); и т.д.

- СИНТАКСИЧЕСКИМИ особенностями фразы. Прежде всего, очень существенен тип глагола: например, в $\mathcal{L} V_{tr}$ требуют ЭК, а V_{itr} её не допускают. Далее, может оказаться релевантным порядок слов: при одном положении подлежащего по отношению к глаголу употребляется ЭК, а при другом — нет; и т.д.

- МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ категориями, как-то: временем, видом и/или наклонением глагола (например, в грузинском глаголы в аористе требуют ЭК, в перфекте — дативной конструкции, а не в аористе и не в перфекте — номинативной конструкции); лицом подлежащего (например, в лакском подлежащее в 3-ем лице требует ЭК, а в 1-ом или 2-ом лице — номинативной конструкции); и т.д.

Дополнительное распределение ЭК vs. не-ЭК, обусловленное указанными факторами, называется "расщеплённой эргативностью" (*split ergativity* или *ergative split*; см., в этой связи, известную статью Silverstein 1976). 22

V. Переходность и залогов.

Чтобы свободно обращаться с понятием ЭК, необходимо также разобраться с понятиями переходности и залога. Дело здесь в том, что определение ЭК существеннейшим образом опирается на понятие подлежащего, а это последнее зависит от понятия залога, которое, в свою очередь, связано с переходностью. (Напомним замечание в начале статьи о проблеме ЭК в маори, где главной трудностью оказывается именно установление основной переходной конструкции и, соответственно, подлежащего.)

Переходность предлагается определять следующим образом. Предположим, что в \mathcal{L} чётко различаются по своему чисто синтаксическому и морфологическому поведению два лексических класса глаголов: они допускают/не допускают те или иные трансформации, по-разному согласуются со своими актантами, имеют разные наборы флективных аффиксов²³ и т.д. (Это предположение выполняется не ВСЕГДА: во многих языках указанные различия далеко неочевидны. Для таких языков необходимы какие-то иные, более тонкие средства различения, которыми я в настоящий момент не располагаю.) **NB**: При этом глаголы рассматриваются только в исходной, т.е. словарной, ДИАТЕЗЕ; грамматически производные диатезы привлекаются на следующем шаге.

Поскольку диатеза есть соответствие между Сем- и ГСинт-актантами данной лексемы, ЗАЛОГ ОПЕРИРУЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ГСИНТ-УРОВНЕ. Подчеркнём, что залог не изменяет пропозициональное семантическое содержание (= Сем-структуру) глагольной формы, хотя и воздействует на её смысл, изменяя его семантико-коммуникативную структуру.²⁶

Определение 7: **актив**.

АКТИВОМ называется залог, соответствующий лексически исходной²⁷ диатезе данной глагольной лексемы, т.е. той, которая записана в модели управления данной лексемы в словаре (при условии, разумеется, что у данной лексемы существуют и другие залогов, соответствующие её производным диатезам).

Таким образом, по нашему определению актив есть исходный залог, независимо ни от характера его морфологической маркировки,²⁸ ни от его синтаксического употребления в конкретном языке, ни от семантического содержания активных форм (которые могут иметь вполне "пассивный" смысл). Актив аналогичен номинативу: как форма в номинативе называет предмет вне синтаксического контекста, просто для его отождествления, так и форма в активе называет действие (событие, процесс, ...) вне синтаксического контекста, служа, тем самым, для его отождествления. Актив коммуникативно нейтрален — или, по крайней мере, более нейтрален, чем производные залогов; он, как правило, применяется при отсутствии текстовой обусловленности.

Мыслимые изменения диатезы сводятся к двум операциям:

— **Перестановка** ГСинт-актантов (= конверсия) относительно семантических актантав; залогов, маркирующие перестановку ГСинт-актантов, называются **пассивами**. Обычно пассив маркирует конверсию непервого ГСинт-актанта с ГСинт-актантом I, а именно — выдвигание непервого ГСинт-актанта в позицию первого ГСинт-актанта (с автоматическим вытеснением ГСинт-актанта I).²⁹ В зависимости от того, какой именно ГСинт-актант выдвигается в позицию ГСинт-актанта I, пассив может быть "прямо-объектным" (II⇒I: в русском или французском все пассивы таковы), "косвенно-объектным" (III⇒I: как в английском *He was given a book*), "инструментальным" или "локативным" (III⇒I или IV⇒I: как в тагальском) и т.д. (Чёткий типологический очерк пассивов в языках мира см. в Keenan 1985; теоретическое обсуждение пассива содержится в Foley & Van Valin 1984: 149-168.)³⁰

IV: Прототипический пассив применяется к переходному глаголу и делает его непереходным.³¹ Таким образом, при решении вопроса о том, что именно перед нами: актив или пассив, разумно опираться и на это свойство.

Пассив — всегда производный залог (опять-таки, по определению, каковы бы ни были его морфологическое строение, синтаксическое поведение и семантическое содержание).³²

При подобном определении пассива термин **антипассив** не может иметь смысла и употребляться не должен.³³

– **Вычёркивание** ГСинт-актантов (= супрессия); залого, вычёркивающие актанты, предлагается называть **супрессивами** (другое возможное название: **имперсоналы**). В зависимости от того, какой именно ГСинт-актант вычёркивается, супрессив может быть "субъектным" ($I \Rightarrow \Lambda$: в эстонском), "прямо-объектным" ($II \Rightarrow \Lambda$: как в русском *кусаться*), "косвенно-объектным" и т.д.³⁴

В конкретных языках пассивы и супрессивы могут комбинироваться: тот или иной актант, конвертируемый пассивом, вычёркивается соответствующим супрессивом, т.е. утрачивается вообще. Так обстоит дело с двучленными пассивами семитских языков, где подлежащее, уступив своё место прямому дополнению, обязательно пропадает (арабский пассив, например, не допускает выражения агентивного дополнения).

Залоги выполняют, как правило (хотя и не всегда), коммуникативную функцию: в частности, они позволяют перемещать тот или иной актант в позицию темы (или же данного), делают тот или иной обязательный актант необязательным или даже вообще невыразимым и т.п. В противоположность активу, пассивы и супрессивы (почти) всегда проявляют тенденцию быть коммуникативно нагруженными: их употребление часто диктуется теми или иными текстовыми факторами (= элементами связного текста, действующими за пределами отдельной фразы).

От залога следует отличать близкую к нему грамматическую категорию детранзитива (приложимую только к переходным глаголам).

Определение 8: **детранзитив**.

Согласимся приписывать каждой ПСинт-роли определённый ранг и располагать их в следующей иерархии:

подлежащее > прямое дополнение > косвенное дополнение

Детранзитивом называется флективная категория, элементы которой маркируют в глаголе понижение в ранге его второго ПСинт-актанта, т.е. его прямого дополнения.

Другими словами, при форме детранзитива ГСинт-актант II (и, разумеется, ГСинт-актант I) остаётся на своём месте, по-прежнему соответствуя тому же Сем-актанту; что и при исходной форме глагола, т.е. диатеза не изменяется. Однако если при исходной форме ГСинт-актант II выражается прямым дополнением (= самым высоким по рангу дополнением), то в форме детранзитива он может выражаться только косвенным или предложным дополнением (= более низким или даже самым низким по рангу, соответствующим понятию *chôteur* в реляционной грамматике). Примером здесь может быть русский глагол *ругаться* с просторечным дополнением на +S_{acc}, заменяющим аккузатив при исходной форме *ругать* (*А чего он на меня ругается?*). В противоположность залогам, ДЕТРАНЗИТИВ ОПЕРИРУЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПСИНТ-УРОВНЕ.

Детранзитив хорошо представлен в даргинском языке, где он образуется морфологической конверсией и, наподобие залога, меняет коммуникативную организацию высказывания (подлежащее выделено полужирным шрифтом):

(18) a. *Neš + li gazet + Ø b + čuli sa + r + i*
 мать ЭРГ газета НОМ НЕОДУШ читать быть ЖЕН

b. *Neš + Ø gazet + li r + čuli sa + r + i*
 мать НОМ газета ЭРГ ЖЕН читать быть ЖЕН

Обе фразы в (18) означают 'Мать читает газету'. В (18a) глагол

CUL- употреблён в исходной форме; он переходный и принимает прямое дополнение в номинативе, с которым его смысловая часть и согласуется (в классе: префикс *b-*; вспомогательная часть согласуется с подлежащим: суффикс *-r-*). В (18b) тот же глагол выступает в детранзитиве: поскольку в этой форме он непереходный, его дополнение оформлено не номинативом, а эргативом (иначе говоря, это косвенное дополнение³⁵), и глагол согласуется обеими своими частями только с подлежащим. (Ср. сходное явление в кала-лагау-я, раздел VI.3.)

Как и залого, детранзитивы выполняют, прежде всего, коммуникативную функцию.

Особого внимания заслуживает термин **средний залог**: он употребляется во многих разных смыслах и вызывает немало недоумений. Укажем по крайней мере два его наиболее распространённых употребления.

С одной стороны, нередко говорят о среднем залоге применительно к русским парам типа УЛАДИТЬ ~ УЛАДИТЬСЯ. Здесь, однако, наблюдается отчётливое смысловое различие: на каузацию. Ср.:

(19) a. *Всё уладилось* 'Всё начало быть как должно' [как бы само].

vs.

b. *Всё улажено* 'Всё каузировано быть как должно' [кем-то].

Форма *уладиться* по отношению к *уладить* есть **декаузатив**; в русском это дериват, не имеющий отношения к словоизменению и, следовательно, к залогам. Применять в этом смысле термин **средний залог** не следует.

С другой стороны, средним залогом называют явно словоизменительное образование, типа того, что мы находим в древнегреческом языке (см. Barber 1975):

(20) a. *Loú + ð tà hymátia*
 мать ПРЕЗ **АКТ** .1ЕД АРТ-МН.АКК одежда-МН.АКК
 '[Я] мою [= стираю] одежды'.

vs.

b. *Loú + omai tà hymátia*
 мать ПРЕЗ **МЕД** .1ЕД АРТ-МН.АКК одежда-МН.АКК
 '[Я] мою [= стираю] свои/себе одежды'.

vs.

c. *Loú + omai*
 мать ПРЕЗ **МЕД** .1ЕД
 '[Я] моюсь'.

vs.

а. *Dēiō +ōnto* *lao +i̇* *hup' argei' +ōn*

косить IMPERF. МЕД.ЗМН люди МН.НОМ через аргивянин МН.ГЕН
букв. 'Скашивались люди аргивянами', т.е. 'Аргивяне косили
людей'

Здесь медий – безусловно словоизменительная категория, но смешанного характера. В употреблении типа (20c) интересующая нас форма – это классический рефлексив; в употреблении же типа (20b) это как бы проявление совсем другой словоизменительной категории: *версии*. (Элементы этой категории маркируют "предназначенность" действия: 'для себя' ~ 'для другого' ~ 'ни для кого'; она хорошо известна, например, в грузинском). Наконец, в (20d) мы видим "настоящее" пассивное употребление (такие конструкции с медием вполне обычны уже у Гомера: Andersen 1989). Благодаря подобным фактам рассматриваемую форму можно называть *средним залогом* (= медием). Таким образом, медий древнегреческого типа для нас – это всё-таки залог, хотя и "не чистый" (пассив + что-то ещё).³⁶ Необходимо, однако, подчеркнуть, что типичной, базовой функцией древнегреческого медиа было не изменение диатезы (= конверсия актантов, столь типичная для наших залогов), а изменение пропозиционального смысла глагола на компонент 'для себя' = 'так что действие обращено на самого деятеля' (Pernée 1984). Иначе говоря, в основе здесь лежит СЕМАНТИЧЕСКАЯ категория версии, из которой позже развилась СИНТАКСИЧЕСКАЯ категория залога.³⁷

VI. Анализ трудных случаев.

В заключение я хотел бы рассмотреть три спорных примера, чтобы продемонстрировать, как "работают" на практике предложенные нами понятия. Именно, я обращусь к основным предикативным конструкциям в трёх языках – в дьирбале, маори и кала-лагау-я.

1. Дьирбал. Типовая предикативная конструкция с переходным глаголом *BALGAL* 'ударить/убить' представлена в (21):

(21) *Bayi yaṛa +∅ baṅgun ɟugumbiru balgan*
этот-ПАТ мужчина ПАТ этот-ИНСТР женщина-ИНСТР ударить-ПРОШ
'Мужчину женщина ударила'.

В Mel'čuk 1979: 33-46 и 1988: 159 и сл. было показано, что в конструкции типа (21) подлежащим является *YAṘA* 'мужчина', NP в особом падеже – патетиве, формально различаемом только у местоимений, имён собственных и нескольких терминов родства. Поскольку в дьирбале в роли подлежащего при глаголе в исходной диатезе не может выступать Каузатор, то рассматриваемая конструкция не является эргативной. Это положение принимается в Polinskaja 1989, где, однако, предлагается считать форму *balgan* в (21) пассивной; производная форма *balga +ṅau-* оказывается тогда активной. Само по себе допущение о морфологической производности актива по отношению к пассиву не является для меня достаточным основанием,

чтобы отвергнуть указанную трактовку (см. примечание 28); тем не менее, я не могу принять её. Дело в том, что форма *balgan* – переходная. Как и положено переходным глаголам дырбала,

• **BALGAL** имеет основообразующий формант *-l*, тогда как **BALGA+ŋAY** имеет формант *-y* (характерный для прочих непереходных глаголов: Dixon 1972: 13, 54);

• **BALGAL**, как и все переходные глаголы, требует подлежащее в патетиве, тогда как **BALGA+ŋAY**, как и все непереходные глаголы, допускает подлежащее исключительно в номинативе. ³⁸

Как мы видели выше (см. **NB** на стр. 21), пассив должен делать переходный глагол непереходным, но не наоборот. В противном случае, абстрактное и тем самым универсальное определение пассива становится невозможным. Поэтому я готов настаивать на предложённом в Mel'čuk 1988 описании конструкции (21) как переходной и активной (и, разумеется, исходной – по отношению к конструкции с *balga + ŋay*).

2. **Маори**. По поводу переходных конструкций маори дискуссия продолжается уже скоро 20 лет. Суть спора можно представить примерно так. Сравним две соотносительные конструкции, описанные здесь традиционным способом (Chung 1977, 1978, Полинская 1988):

(22) **a. Ka patu +∅ ∅ a Paoa i ngā kuri**
AOP убить АКТ НОМ АРТ Паоа АКК МН собака
'Паоа убил собак'.

b. Ka patu +a ∅ ngā kuri e Paoa
AOP убить ПАСС НОМ МН собака ЭРГ Паоа
'Собаки были убиты Паоой'

На первый взгляд, тут всё просто: в (22a) представлена исходная активная переходная конструкция, а в (22b) – производная пассивная (подлежащие выделены полужирным шрифтом). Проблема, однако, состоит в том, что пассивные формы (образованные суффиксом *-C(i)a*, где *C* – различные согласные) встречаются в маори намного чаще активных: в первом предложении связного текста пассив от переходного глагола употребляется в 63% случаев – тогда как в английском языке аналогичные пассивы появляются лишь в 7% случаев (численные данные взяты из Полинская 1988). В ряде конструкций пассив обязателен: например, в императиве переходных глаголов (активных переходных императивов в маори практически нет). Это заставляет некоторых исследователей (Sinclair 1976, Gibson & Starosta 1987) пытаться пересмотреть описание, представленное в (22), и утверждать, что исходной, т.е., по их мнению, активной переходной конструкцией, является конструкция в (22b); её подлежащее – группа *e Paoa*, а группа *ngā kuri* – это прямое дополнение. В таком случае, в (20b) представлена типичная ЭК. (Конструкция же (20a) оказывается тогда одним из "антипассивов": производной непереходной конструкцией.) Эта антитрадиционная точка зрения сводится к трём следующим логически независимым положениям (моё внимание к указанному

факту привлёк М. Дьюри):

1) в *Ka patu + a ngā kurī e Paoa* подлежащее — это *e Paoa*;

2) *patu + a* есть морфологически исходная форма глагола, а *patu* — производная;

3) *patu + a* есть активная переходная форма, а *patu* — непереходная (т.е., пассивная).

Что касается первого положения, то Chung 1977 убедительно демонстрирует несостоятельность трактовки NP *e Paoa* как подлежащего, приводя три синтаксические особенности обеих конструкций в (22):

• Только та группа, которая считается подлежащим непереходного глагола при "обычном" описании, может сопровождаться особым неопределённым (или слабореферентным) артиклем *he* :

(23)

a. *Ka haere ∅ he tangata*

АОР приходить НОМ некий человек

'Пришёл некий человек'.

b. **Ka patu + ∅ ∅ he tangata i te kurī*

АОР убивать АКТ НОМ некий человек АКК АРТ [= этот] собака

'Некий человек убил эту собаку'.

c. **Ka patu + ∅ ∅ te tangata i he kurī*

АОР убивать АКТ НОМ этот человек АКК некий собака

'Этот человек убил некую собаку'.

d. *Ka patu + ∅ ∅ te tangata i te kurī*

АОР убивать АКТ НОМ этот человек АКК этот собака

'Этот человек убил эту собаку'.

Та группа, которая считается подлежащим при "обычном" описании конструкции (22b) как пассивной, может иметь при себе *he*, а группа, вводимая падежной частицей *e*, не может:

(24)

a. *Ka patu + a ∅ he kurī e te tangata*

АОР убивать ПАСС НОМ некий собака ЭРГ АРТ человек

'Некая собака была убита этим человеком'.

b. **Ka patu + a ∅ he/te kurī e he tangata*

АОР убивать ПАСС НОМ некий/этот собака ЭРГ некий человек

'Некая/Эта собака была убита неким человеком'.

• Та группа, которая считается подлежащим любого глагола (в том числе — пассивного) при "обычном" описании, может подвергаться эмфатической рематизации с частицей *ko*, а группа, вводимая падежной частицей *e*, не может:

(25)

a. *Ko ∅ te tangata ka haere*

РЕМА НОМ АРТ человек АОР приходить

'Это этот человек пришёл'.

b. *Ko ∅ te tangata ka patu + ∅ i te kurī*

РЕМА НОМ АРТ человек АОР убивать АКТ АКК АРТ собака

'Это этот человек убил эту собаку'.

c. *Ko* ∅ *te kuri ka patu +a e te tangata*
РЕМА НОМ АРТ собака АОР убивать ПАСС ЭРГ АРТ человек
'Это эта собака была убита этим человеком'.

d. **Ko e te tangata ka patu +a ∅ te kuri*
РЕМА ЭРГ этот человек АОР убивать ПАСС НОМ АРТ собака
'Это этим человеком была убита эта собака'.

Не существует никакого способа сделать фразу (25d) правильной.

• Та группа, которая считается подлежащим любого глагола (в том числе — пассивного) при "обычном" описании, может быть кореферентна субъекту целевого выражения с частицей *ki te* (грубо говоря, инфинитивного выражения), а группа, вводимая падежной частицей *e*, не может:

(26)

a. *Ka haere ∅ he tangata ki te patu +∅ i te kuri*
АОР приходит НОМ некий человек ИНФ убить АКТ АКК АРТ собака
'Пришёл некий человек убить эту собаку'.

b. *Ka hiahia +∅ ∅ te tangata ki te patu +∅ i te kuri*
АОР захотеть АКТ НОМ АРТ человек ИНФ убить АКТ АКК АРТ собака
'Захотел этот человек убить эту собаку'.

c. *Ka tono +a e ia ∅ te tangata*
АОР послать ПАСС ЭРГ он НОМ АРТ человек
ki te patu +∅ i te kuri
ИНФ убить АКТ АКК АРТ собака
'Был послан им этот человек убить эту собаку'.

d. **Ka hiahia +tia e te tangata ki te patu +∅ i te kuri*
АОР захотеть ПАСС ЭРГ АРТ человек ИНФ убить АКТ АКК АРТ собака
(букв.) 'Захочено этим человеком убить эту собаку'.

Ср., однако, совершенно правильную фразу (26e) с союзом *kia* 'чтобы':

e. *Ka hiahia +tia e te tangata kia patu +∅ i te kuri*
АОР захотеть ПАСС ЭРГ АРТ человек чтобы убить АКТ АКК АРТ собака
(букв.) 'Захочено этим человеком, чтобы (он) убил эту собаку'.

Таким образом, группа, вводимая падежной частицей *e* (= агентивное дополнение), не имеет существенных свойств подлежащего и, следовательно, не должна считаться таковым. Группа же *nga kuri* в (22b), не имеющая эксплицитного маркера, обладает ими всеми; это и есть подлежащее.

Полученный результат не позволяет, однако, автоматически отвергнуть второе и третье положения антитрадиционного подхода: даже если признать *nga kuri* подлежащим, то всё равно можно утверждать, что в (22b) представлена морфологически исходная (= базовая) активная форма, означающая примерно 'подвергаться убийству'; иначе говоря, эта форма может быть приравнена — в том, что касается её диатезы, — к базовым активным формам дырбала. Оба положения необходимо рассмотреть отдельно.

Второе "антитрадиционное" положение (*patu +a* есть морфологически исходная форма, а *patu* образуется от неё усечением) неприемлемо для меня уже потому, что *patu +a* содержит очевидный, и притом продуктивный, суффикс (как показано в Hale 1973). Я не могу трактовать форму, содержащую отчётливый словоизменительный аффикс, как морфологически исходную: моё основное предположение в этой области состоит в том, что только простейшая форма основы, лишённая всех словоизменительных аффиксов, может храниться в словаре, т.е. считаться исходной.

Что касается третьего "антитрадиционного" положения, то чтобы отвергнуть трактовку *patu +a* как переходной (активной) формы, я обращусь к тому же аргументу, который я использовал выше при разборе исходных активных форм дьирбала: *patu +a* не может считаться переходной формой, поскольку её подлежащее ведёт себя, как подлежащее непереходного глагола в маори (и совсем не так, как подлежащее переходного глагола). В частности, подлежащее формы *patu +a* принимает слабо референционный артикль *he*, см. (23).

Итак, форма *patu +a* — производная и непереходная; её подлежащее обозначает пациенса, т.е. перед нами — типичная пассивная форма. В (22) мы имеем обычную номинативную конструкцию при пассивном глаголе.

Тем не менее, остаётся проблема нашей характеристики пассива как обычно коммуникативно нагруженного залога (см. выше, перед Определением 8, стр. 22). Совместимо ли эта характеристика с гипертрофированной частотой пассива в маори? Я полагаю, что да; вот возможные доводы (заимствованные из Полинская 1988):

— В первом предложении текста в маори всё-таки преобладает актив: 75% случаев при переходном глаголе.

— С нереферентным/неопределённым дополнением пассив обязателен (из-за невозможности употреблять при дополнении нужный артикль *he*).

— Пассив необходим для тематизации дополнения (инверсия дополнения в маори невозможна).

— Пассив позволяет выразить "дополнительное утверждение о том, что изменение/сохранение состояния неагентивного партиципанта ... в данном положении вещей значимо" (Полинская 1988: 34).

— Пассив необходим в императиве.

Тем самым, очень высокая частота пассива в маори не противоречит его коммуникативно маркированному статусу. Ср. интересное обсуждение исходного (= базового) характера актива в мальгашском языке, где пассив, будучи производным и коммуникативно более нагруженным, тоже употребляется намного чаще актива: Keenan 1976b. (Морфологически, как уже было сказано, пассив в маори тоже маркирован: он имеет суффикс-*C(ia)*, противопоставленный нулевому суффиксу актива.)

3. Кала-лагау-я (= Western Torres Strait Island language). В статье Bani & Klokeid 1976 описано любопытное явление, которое ав-

торы назвали "переброской эргатива" (**ergative switching**; я принимаю без обсуждения ту трактовку конструкции, которую предлагают авторы, опуская для простоты несущественные в нашем контексте детали, но заменив "эргатив" на "инструменталис", ибо этот падеж не является "чистым", несовмещающим эргативом). В обычных переходных предложениях кала-лагау-я обязательна эргативная конструкция (с прямым дополнением в номинативе и с подлежащим в инструменталисе), ср. (27):

(27) *Garkaz +in galas +Ø palgapal +an*
 мужчина INSTR стекло NOM разбить НЕ-БУД(ущее)
 'Мужчина разбил стекло'.

Однако если прямое дополнение — не местоимение и не имя собственное, для данной фразы возможно и другое построение:

(28) *Garka +Ø galas +in palgapal +i*
 мужчина NOM стекло INSTR разбить НЕ-БУД
 'Мужчина разбил все стёкла'.

В (28) подлежащее остаётся подлежащим, но глагол становится непереходным (это ясно видно по его суффиксу не-будущего времени *-i*: это суффикс непереходных глаголов); поэтому подлежащее стоит в номинативе. Прямое дополнение же, оставаясь дополнением, перестаёт быть прямым: оно становится косвенным и маркируется инструменталисом — вместо подлежащего (т.е. инструменталис как бы перебрасывается от подлежащего к дополнению; отсюда и термин, предложенный авторами). Между (27) и (28) имеется интересное семантическое различие: (28), но не (27), предполагает, что действие охватывает все мыслимые в данной ситуации объекты, так что (28) означает примерно 'перебил все стёкла'. Как же описывается охарактеризованное явление в наших терминах?

Ответ ясен. В (28) представлен детранзитив, очень напоминающий то, что наблюдается в даргинском (пример (18)) и в чукотском (примечание 3). Как и в даргинском (но в отличие от чукотского), он образуется без аффикса — морфологической конверсией. Однако в отличие и от даргинского, и от чукотского, детранзитив в кала-лагау-я добавляет к смыслу глагола семантический компонент 'все мыслимые в данной ситуации [объекты]'. О "переброске эргатива (инструменталиса)" говорить применительно к рассмотренному явлению не следует (разве что в качестве "художественной" метафоры).

БЛАГОДАРНОСТИ

Первые наброски настоящей статьи были прочитаны Ю.Д. Апресяном, М.Я. Гловинской и Л.Н. Иорданской. Последующие варианты читали и обсуждали со мной Ю.Д. Апресян, А.Вежицкая, Р. Диксон, М. Дьюри, Л.Н. Иорданская, Н.В. Перцов, М.С. Полинская, Л. Стёрлинг, В.С. Храковский, Ю.А. Шиханович и Н. Эванс.

Я от души признателен этим лицам за советы и замечания. Во всех промахах и возможных ошибках виноват, разумеется, я один.

* Эта статья была написана во время моего пребывания в Университете штата Калифорния в Лос Анджелесе (UCLA) и в Мельбурнском университете (Австралия) – пребывания, которое стало возможным благодаря стипендии Гуггенхаймовского Фонда на 1990. Пользуюсь случаем выразить мою искреннюю признательность руководству названного фонда, а также администрациям кафедр лингвистики UCLA и Мельбурнского университета, обеспечившим мне прекрасные условия для работы.

¹ А начался он с книжки Бокарёв 1950, которую я бережно храню до сих пор.

² В выражении *эргативный падеж* прилагательное *эргативный* обозначает не характеристику падежа, а его имя: ср. **эргативность падежа* [*эргативный падеж* = *эргатив*].

³ Любопытно, что в своей обобщающе-установочной статье Dixon 1987 Р. Диксон уделяет особое внимание "эргативной" терминологии, убедительно, на мой взгляд, критикуя такие распространённые употребления, как **эргативный глагол* в смысле 'каузативный глагол' (в случаях типа англ. *He opened the window*, в отличие от *The window opened*) или **антипассив* в смысле 'оператор, понижающий синтаксический ранг прямого дополнения [= делающий его косвенным]' (как в чукотск. *Ekək əpa +ta ine +tʔe +gʔi* 'Сын [НОМ – подлежащее] суп [ИНСТР – косв. дополнение] налил', где префикс *ine-* делает глагол непереходным, в отличие от *Ekke +te əpa +ɲa tʔe +nin* 'Сын [ИНСТР – подлежащее] суп [НОМ – прямое дополнение] налил'). По поводу частых отклонений от разумно обоснованной терминологии, которые, как правило, называют "небольшими", Диксон ехидно спрашивает: "Можно ли считать небольшим отклонением употребление термина в обратном смысле? Небольшое ли отклонение – называть гласные согласными?" (стр. 13, сноска 5). – Ср. попытку разработки достаточно формального метаязыка для морфологии в Mel'čuk 1982.

⁴ Глаголы, означающие 'убивать', охотно используются в работах по проблемам ЭК не из-за садизма авторов, а лишь потому, что в силу своей семантики (отчётливая каузация отчётливого изменения состояния), они оказываются весьма удобными в качестве иллюстраций. Напомним, что эту традицию начал в современной лингвистике один из её создателей, Э. Сэпир: в основу его изложения лингвистики положена знаменитая фраза *The farmer kills the duckling* 'Крестьянин убивает утёнка'. Ср. иерархию переходности у Т. Цунода (Tsunoda 1985: 388), где глаголы со значением 'убивать' находятся на первом месте. Глаголы со значением 'бить/ударять', также часто используемые в качестве иллюстраций, далеко не столь удобны (Tsunoda 1985: 387).

⁵ Данное толкование является очень приблизительным; см., в

частности, Wierzbicka 1975, где хорошо обоснована необходимость включить в толкование глагола KILL компоненты, фиксирующие "единство времени и места". Для наших целей, однако, приведённое толкование представляется вполне достаточным, и я не хотел бы усложнять его во имя ненужной здесь правды.

⁶ Более удобным, как я полагаю, для лингвистической семантики благодаря отсутствию линейного порядка и большей удалённости от синтаксиса естественных языков.

⁷ Имеются ещё два соображения, по которым "агенса", "объекта" и т.п. не должны трактоваться как семантические единицы особого рода (как этикетки на дугах СемП, или "семантические роли").

1) Действительно, если, например, "агенса" есть семантическая единица, то тогда это бинарное отношение 'X есть агенса Y-а', каковое должно иметь свои собственные аргументы; связи между этим отношением и его аргументами, в свою очередь, должны быть этикетированы какими-то семантическими единицами, а те снова окажутся бинарными отношениями со своими аргументами, и т.д., *ad infinitum*. Прекратить эту бесконечную регрессию можно только произвольным заданием шага, на котором предлагается остановиться.

2) Число и состав таких этикеток, а также их семантическую природу установить убедительным образом пока не удаётся. См., в частности, Meičuk 1988: 88-89.

⁸ Будет, возможно, нелишним привести здесь наиболее принятое определение эргативности (не ЭК!), которое можно взять, например, из недавней статьи Dixon 1987:2 [перевод мой — И.М.]:

|| Будем говорить, что данный язык обладает свойствами эргативности, если в нём на некотором уровне непереходный субъект трактуется так же, как переходный объект, но не так же, как переходный субъект.

⁹ В опубликованных словарных статьях используется сокращённая запись модели управления: отсутствует вторая строка, которая, строго говоря, является избыточной.

¹⁰ Пользуясь подобными свойствами, необходимо, однако, помнить, что в данном языке некоторые из них могут оказаться семантическими, а не синтаксическими. Так, в ряде языков употребление возвратных местоимений контролируется существительным N, обозначающим деятеля, — независимо от собственно синтаксической роли этого N. Разумеется, в таком случае пользоваться данным свойством для определения подлежащего не следует.

¹¹ Подобная ситуация в действительности хорошо известна: в ряде языков активного строя (Климов 1977), при непереходных глаголах возможны два типа NP; одна обозначает Деятеля, который что-то делает, а другая — Пациенса, с которым что-то случается. Ачё

(Индонезия; см. Durie 1987) даёт очевидные примеры этого явления:

(i) a. *Gopnyan geu +jak /gujak/* 'Он(а) идёт'.
он(а) Зл. идти

vs.

b. *Gopnyan rhët /r^het/* 'Он(а) падает'.

Который из двух членов предложения: Деятель или Пациент — является здесь базовым подлежащим в смысле Определения 1? В (i-a), Деятель обязательно выражен префиксом в глаголе, в (i-b) Пациент не выражен (он может, но не должен, выражаться суффиксом). Поскольку именно Деятель, и только Деятель, обуславливает обязательное префиксальное согласование глагола-сказуемого, я рассматриваю именно его как базовое подлежащее.

При переходном глаголе различие Деятеля и Пациента сохраняется (Деятель выражен префиксом, а Пациент не выражен):

c. *Gopnyan geu +mat lôn* 'Он(а) держит меня'.
он(а) Зл. держать я

vs.

d. *Lôn lôn +mat gopnyan* 'Я держу его/её'.

Таким образом, в языке типа ачэ Определение 1 выберет в качестве подлежащего ту составляющую, которую Дьюри называет Деятелем. (Заметим, что в ачэ подлежащее сильно мотивировано семантически: им бывает — почти всегда — только сознательный, целесообразный агент.)

Очень похоже обстоит дело в лакотá (сиуанская семья, США; см. Foley & Van Valin 1984: 41 и сл.).

¹² В связи с указанными "особыми" элементами нередко возникает вопрос об их универсальности: существуют ли все они непременно во всех языках, т.е. являются ли они логически необходимыми? Ответ кажется мне самоочевидным: нет, не являются. Про номинатив это ясно сразу: существует немало языков, вообще не знающих падежей, а тем самым и номинатива. (Однако в языке с падежами номинатив имеется всегда!) Представить себе язык, в котором семантический элемент 'каузировать' не играл бы особую роль, мне трудно; тем не менее, я не вижу, почему подобная роль этого элемента должна быть логической необходимостью. И, наконец, подлежащее: как было только что сказано, наличие в языке одной привилегированной NP логической необходимостью бесспорно не является. Вопрос о существовании бесподлежащих языков (сугубо эмпирический, по моему мнению) ставится снова и снова; убедительный ответ мне до сих пор не известен. Тем не менее, каков бы он ни был, это никак не повлияет ни на суть, ни на форму наших построений в данной статье. Просто предлагаемые понятия не применимы в языке без подлежащего. (Несомненно, однако, что в одних языках ПСинт-отношения гораздо более важны, чем в других. В этих последних подлежащее, если оно и есть, играет менее привилегированную роль, чем в языках первого типа. В таких "несинтаксичных" — или "слабо синтаксичных" — языках строение фразы определяется в гораздо большей степени и гораздо

13 Четвёртый уровень — ГСинтП — не релевантен для самой ЭК; он становится существенным при определении понятия залога, которое, в свою очередь, необходимо для ясного понимания сути ЭК.

14 Понятие патетивной конструкции: подлежащее не может выражать каузатора и само выражается не номинативом — было введено в Mel'čuk 1978 и позже развито в Mel'čuk 1988. — Любопытные примеры патетивной конструкции при пассивном глаголе известны в библейском иврите (Keenan 1976: 331. (41)):

(i) *wē ʔeθ hō ʔoh* *leʔanəw mevoʔoreθ*

и [АКК] АРТ жаровня(ЖЕН.ЕД) перед-ним разжечь-ПРОШ.ПАСС.ЖЕН.ЕД
букв. 'И жаровню перед ним была разожжена',

где подлежащая NP *ʔeθ hō ʔoh*, контролирующая согласование сказуемого, маркирована аккузативом.

Подлежащее в патетивной конструкции может быть выражено специальным падежом — *патетивом*, не имеющим других функций; так обстоит дело в дьирбале, где этот падеж никогда не маркирует прямое дополнение и потому не может считаться аккузативом (в рамках предлагаемого описания прямого дополнения в дьирбале нет вовсе). В то же время, подлежащее патетивной конструкции может быть маркировано и каким-либо "обычным" падежом, употребляющимся и в иных ролях, в частности, аккузативом — как в примере (i).

15 Данная оговорка необходима, чтобы исключить случаи типа употребления финского партитива (вместо номинатива) для выражения "неполной охваченности действием", "неопределённости" и т.п.:

(i) Финский

a. *Leipä +∅ on pöydällä*

хлеб ЕД.НОМ есть на-столе

'Хлеб [определённый] лежит на столе',

vs.

Leipä +ä on pöydällä

хлеб ЕД.ПАРТ есть на-столе

'На столе есть хлеб [неопределённый]'.
b. *Auto +t ovat kadulla*

автомобиль МН.НОМ быть-ПРЕЗ.3МН на-улице

'Автомобили [определённые] находятся на улице',
vs.

Kadulla on auto +ja

на-улице быть-ПРЕЗ.3ЕД автомобиль МН.НОМ

'На улице — автомобили [неопределённые]'.
Определение 3 не исключает, однако, из понятия ЭК те случаи,

когда не-номинативная маркировка подлежащего мотивирована семантически, но не субстантивным значением самой подлежащей NP (в данном контексте), а глагольным значением типа 'сознательно контролирует действие [выраженное глаголом]'. Так, например, в цова-тушинском (Holisky 1987) подлежащее 1-го или 2-го лица

маркируется эргативом, если действие совершается сознательно и целесообразно, и номинативом, если оно произвольно или случайно:

(ii) цова-тушинский

a. (As) *vuiž* +n +as

Я-ЭРГ падать АОР 1ЕД.АГЕНТ

‘Я бросился [на землю <на пол, ...>]’.

vs.

b. (So) *vož* +en +s

Я-НОМ падать АОР 1ЕД.ПАЦ

‘Я упал’.

[*vuiž* и *vož* суть алломорфы одной и той же корневой морфемы.]

Конструкция, представленная в (ii-a), трактуется нашим определением как эргативная.

Совершенно так же обстоит дело с подлежащим непереходного глагола в восточном помо (Калифорния; **Foley & Van Valin 1984: 95-97**. (В статье **Dixon 1979** указанное явление названо “переменной (= fluid) маркировкой подлежащего непереходного глагола”.)

Ограничитель ‘исключительно’ необходим в связи с тем, что лексическое значение подлежащей NP может играть роль при выборе между эргативной и номинативной конструкциями. Именно, в ряде языков не-номинативная маркировка подлежащего применяется в случаях, когда подлежащее семантически менее “агентивно”, чем дополнение, т.е. для выражения смыслов типа ‘Камень поранил мальчика’ или ‘Меня щекочет муха’ (Для выражения смыслов ‘Мальчик раздробил камень’ или ‘Я убил муху’ используется номинативная конструкция.)
Ср.:

(iii) кунгаракань (Австралия)

a. *Wawak* +∅ *lirrmī* +∅ *pirr* +*ri* +*m*

ребёнок [НОМ] собака [НОМ] ЗМН.Суб-ЗЕД.Объ ударить ПРОШ.ПЕРФ

‘Дети ударили собаку’.

vs.

b. *Pamur* +*arrak* *lirrmī* +∅ ∅ +*ri* +*m*

автомобиль [АБЛ] собака [НОМ] ЗЕД.Суб-ЗЕД.Объ ударить ПРОШ.ПЕРФ

‘Автомобиль ударил [= сбил] собаку’.

Таким образом, здесь семантика подлежащего существенна, но не сама по себе, а в сравнении с семантикой дополнения. (На соответствующие факты мне указал Ник Эванс; он же снабдил меня примерами из языка кунгаракань.)

¹⁶ Интересно отметить, что если лакское подлежащее выражено местоимением 1-го или 2-го лица, то оно должно быть в номинативе, т.е. для таких местоимений применима только номинативная конструкция. Например:

(i) *Na lu* +∅ *b ukka* +*ra* ‘Я книгу читаю’,

я-НОМ книга(III) НОМ III читать 1ЕД

где обязательно выступает номинатив *na*, а не генитив *tuul*.

¹⁷ В кала-лагау-я (во всяком случае, в соответствии с доступными мне описаниями) особую форму аккузатива имеют только местоимения 1-

го/2-го лиц и имена собственные (плюс те имена родства, которые употребляются как обращения). Можно, однако, задаться следующим вопросом: не имеют ли также и имена нарицательные свой аккузатив, форма которого всегда совпадает у них с формой номинатива? Интересная статья Comrie 1981 позволяет как будто заключить, что это так: имя нарицательное (в своей исходной, "нулевой" форме) может сочиняться в кала-лагау-я с аккузативной формой местоимения или имени собственного. Ср. (i):

(i) [= (76) в Comrie 1981: 21]

Burum +an
свинья ИНСТР

$\left\{ \begin{array}{l} \text{Kala +n} \\ \text{Kala АКК} \\ \text{ngoena} \\ \text{я-АКК} \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} \text{a moeginakaz +}\emptyset \\ \text{и мальчик} \end{array} \right\} \text{mathamoean}$
НОМ [АКК?] ударить-ДУАЛ-ПРОШ

'Свинья ударила $\left\{ \begin{array}{l} \text{Калу} \\ \text{меня} \end{array} \right\}$ и мальчика'.

В то же время, имя нарицательное в эргативном падеже сочиняться с именем собственным в форме номинатива не может (что исключает предположение об омонимичности этой последней формы с формой эргатива):

(ii) [= (77)-(78) в Comrie 1981: 21]

a. Kala + \emptyset a moeginakaz + \emptyset /*in burum + \emptyset mathaman
Кала НОМ и мальчик НОМ/ИНСТР свинья НОМ [АКК?] ударить-ЕД-ПРОШ
'Кала и мальчик ударили свинью'.

b. Ngay /*Ngath a Kala + \emptyset burum + \emptyset mathaman
я-НОМ /я-ИНСТР и Кала НОМ свинья НОМ [АКК?] ударить-ЕД-ПРОШ
'Я и Кала ударили свинью'.

Указанные факты подталкивают меня к выводу, что аккузатив есть у всех субстантивов кала-лагау-я (как патетив в дырбале – см. Mel'čuk 1988: 180-181), а инструменталис – не у всех (похоже, что имена собственные его не имеют). Не имея возможности убедительно ответить на поставленный вопрос, я пользуюсь случаем, чтобы привлечь внимание к весьма часто допускаемому смешению падежа с формой падежа. (Эта проблема упоминается также в примечании 22.)

¹⁸ Оба термина – морфологическая эргативность и синтаксическая эргативность – имеют ещё один существенный недостаток. В (10) нет ничего особенного с точки зрения чистой морфологии: специфика здесь – в маркировке именно синтаксических ролей, т.е. речь должна идти скорее о синтаксической эргативности (тем более, что в языках без падежей роль подлежащего маркируется не морфологически). Напротив, в (9) вся "необычность" заключена не в синтаксисе, который здесь вполне тривиален, а в семантике, точнее, в выражении семантических ролей синтаксическими актантами. Здесь более уместным представляется термин семантическая эргативность.

¹⁹ Истинным или ложным определение не может быть по своей природе.

²⁰ Пример возможной трудности для Определения 3 даёт берберский язык. Действительно, Определение 3 признаёт его предикативную конструкцию эргативной, тогда как специалисты, насколько я могу судить, никогда не рассматривали её так. В берберском подлежащее, находящееся в нейтральной позиции – непосредственно за глаголом-сказуемым, – маркируется косвенным падежом (= обликвусом; см. Bader and Kenstowicz 1987):

(i) *Ičča weqžun amšiš* 'Собака съела кошку'.
 съесть-АОР собака-ОБЛ кошка-НОМ

vs.

(ii) *Ičča wemšiš aqžun* 'Кошка съела собаку'.
 съесть-АОР кошка-ОБЛ собака-НОМ

(iii) *Yenz wemšiš / weqžun*
 продаваться-АОР кошка-ОБЛ / собака-ОБЛ

'Кошка/Собака продана'.

(Более традиционное название этих падежей – "свободное/связанное состояние"; по существу же эти формы суть обычные падежи.)

Поскольку берберское подлежащее может выражать каузатора, то с точки зрения Определения 3 в (i)-(iii) представлена типичная ЭК. Мне, к сожалению, неизвестны доводы ни за, ни против такой трактовки.

²¹ Данное определение эргатива нуждается в ряде уточнений. Так, если подлежащее выражается двумя разными падежами, отличными от номинатива, то эргативом следует называть падеж, маркирующий подлежащее-Каузатора; другой подлежащий падеж называется тогда субъективом. Открытым остаётся вопрос о падеже на **-ga** в японском языке или о падеже, вводимом частицей **ang** в тагальском: разумно ли называть его эргативом?

²² Обсуждение "расщеплённой эргативности" нередко осложняется тем, что авторы не различают понятия 'падеж' и 'форма падежа', смешивая совпадение падежных форм (= омонимию разных падежей) с отождествлением самих падежей. Так, неправильно говорить, что в грузинском языке местоимения 1-го и 2-го лиц не различают номинатив и эргатив: местоимение *me* 'я', например, имеет и тот, и другой падежи, хотя их формы тождественны. Обсуждать здесь соответствующую проблему, разумеется, невозможно. Я ограничусь сформулированным предупреждением. См. Wierzbicka 1981: 51-52. Mel'čuk 1986: 66 и сл. и в особенности Goddard 1982.

²³ Так, в киче (семья майя) глаголы одного класса имеют показатель сказуемости **-ik** (или **-oq** в императиве), а другого – **-o/-u** (или **-aʔ/-oʔ/-uʔ** в императиве); первый класс – это непереходные глаголы, второй – переходные. В новогвинейском лиджине все переходные глаголы (и только они) имеют суффикс **-im** (< англ. *him*): *bagarap +im* 'испортить', *bruk +im* 'сломать', *har +im* 'слышать', *harhar +im* 'внимательно слушать', *tan +im* 'повернуть' и т.д.

24 Определять переходность семантически оказывается неудобно, поскольку семантически эквивалентные глаголы разных языков часто различаются по переходности/непереходности: V_{tr} оперировать кого vs. англ. V_{itr} operate upon someone, V_{tr} благодарить кого vs. нем. V_{itr} danken wem [DAT], фр. V_{tr} aider qqn vs. V_{itr} помогать кому, фр. V_{tr} suivre qqn vs. V_{itr} следовать за кем, англ. V_{tr} observe someone vs. V_{itr} наблюдать за кем; во многих языках глаголы восприятия непереходны; в кечуа переходны все глаголы движения; и т.д.

25 Не следует, однако, полагать, будто переход $V_{itr} \Rightarrow V_{tr}$ без изменения смысла невозможен в принципе. Теоретически ничто не мешает существованию "асемантической" транзитивации двухактантных непереходных глаголов (такая транзитивация затрагивает, разумеется, коммуникативную структуру глагольного смысла). Насколько я могу судить, "асемантическая" транзитивация наблюдается, например, в белла-кула (Зап. Канада; Davis & Saunders 1989):

(i)

$pu \lambda^c$ + \emptyset ti + $\gamma imlk$ + tx $\gamma u \dot{\lambda}$ ti + $nus \gamma \ddot{u}l \chi$ + tx
 наброситься ЗЕД. Суб АРТ мужчина АРТ на АРТ вор АРТ
 'Мужчина набросился на вора [предложное дополнение]'.
 vs.

$pu \lambda^c$ + m + is ti + $\gamma imlk$ + tx ti + $nus \gamma \ddot{u}l \chi$ + tx
 наброситься [ТРАНЗ] ЗЕД. Суб-ЗЕД.Объ АРТ мужчина АРТ АРТ вор АРТ
 'Мужчина атаковал вора [прямое дополнение]'.

Менее экзотические примеры можно привести и из немецкого языка: *ins Zimmer treten* [неперех] \sim *das Zimmer* [АКК] *betreten* [перех] 'входить в комнату', *über etwas urteilen* [неперех] \sim *etwas* [АКК] *beurteilen* [перех] 'судить о чём-либо/что либо', и т.д. Здесь, однако, транзитивация носит явно словообразовательный характер.

Аналогичное явление наблюдается ещё и в индонезийском: *Ali duduk di-kursi itu* 'Али сидит на стуле' \sim *Ali menduduki kursi itu* 'Али сидит на стуле' [как бы 'Али занимает стул']. В этих и других аналогичных случаях происходит повышение ПСинт-ранга косвенного или предложного дополнения: оно становится прямым (ср. ниже, стр. 00: детранзитив. понижающий ранг прямого дополнения). При условии, что указанная операция семантически и формально достаточна регулярна в L , здесь можно говорить о словоизменительной категории транзитива.

26 Залоги породили колоссальную литературу, не менее богатую, чем литература по эргативной конструкции. Я ограничусь и здесь несколькими ориентирующими ссылками: Холодович, ред. 1974, Barber 1975, Храковский, ред. 1978, 1981, Keenan 1985, Li, ed. 1976, Shibatani 1985, Postal 1986, Shibatani, ed. 1988, Haspelmath 1988.

27 Я не могу обсуждать здесь выбор лексически исходных диатез; подчеркну лишь, что это – задача, никак не зависящая от проблемы ЭК. В принципе, выбор делается лексикографом на основе рассмотрения всей словарной информации данной лексемы. (В данной точке чётко

выражается лексикографическая ориентированность теории ("Смысл \Leftrightarrow Текст").

28 Поскольку залог — это словоизменительная категория, то (в соответствии с самим понятием словоизменительной категории) актив и пассив всегда морфологически маркированы оба. Однако в некотором расплывчатом смысле, пассив, как правило, маркирован "больше", т.е. он "более произведен", чем актив, форма которого появляется в словаре. Так, актив маркируется нулевым аффиксом, а пассив — ненулевым (латынь); актив выражается единой формой, а пассив маркируется специальной аналитической конструкцией (английский); пассив маркируется одним стандартным трансфиксом *-u-i-*, тогда как актив имеет три разных лексически обусловленных трансфикса: *-a-a-*, *-a-i-*, *-a-u-* (арабский); в словаре необходимо, следовательно, записывать именно актив). Единственный противоречащий пример, известный мне, — это яванский актив типа *dak +tuku* 'покупать', маркированный ненулевым префиксом, при пассиве $\emptyset +tuku$ 'быть покупаемым' (с нулевым префиксом; Polinskaja 1989: 267). Здесь, однако, слишком много неясного. Так, с одной стороны, возможно, что исходная форма *tuku* — это не пассив, а непереходный глагол со значением вроде 'переходить в собственность за деньги', тогда как *dak +tuku* — это его каузатив (именно такая ситуация наблюдается в берберском: например, глагол /*ss-nz/* 'продавать' есть каузатив, образованный от непереходного глагола /*nz/* 'продаваться' \cong 'быть в продаже'). С другой стороны, в индонезийском имеется глагольная форма с нулевым префиксом, например, $\emptyset +beli$ /*bəli/*, которую иногда трактуют как пассивную, противопоставляя её активной форме с префиксом *meN-*: *mem +beli* 'покупать'; тогда актив оказывается производным. Беспрефиксная форма имеет, однако, весьма ограниченное употребление — она возможна только если агенс выражен местоимением 1-го или 2-го лица; при неместоименных NP или при местоимении 3-го лица пассив обязательно маркируется префиксом *di-*: *di +beli* 'быть покупаемым'. Если считать *beli* активной формой, предполагающей обязательную инверсию (тематизируемого) дополнения, то никакой проблемы не возникает. Но даже если принять (весьма веские) доводы С. Чанг (Chung 1976) в пользу трактовки формы *beli* как пассивной, то ограниченный характер её употребления позволяет, по-видимому, считать, и этот индонезийский пассив производным по отношению к активу (беспрефиксные формы могут выступать также и как активные переходные).

29 Менее распространённый, хотя и вполне обычный случай — это пассив, маркирующий смещение ГСинт-актанта I без выдвижения какого-либо другого значащего актанта на его место (место ГСинт-актанта I занимает ПУСТОЙ нулевой лексемой, определяющей согласование глагола). Примером является пассивизация непереходных глаголов, типа *Немало нами здесь было хожено*. Ср. ещё пассивизацию рефлексивов в литовском, примечание 34; о подобных пассивах см. Comrie 1977. Различение двух типов пассива: пассив выдвигающий vs. пассив смещающий — проводится в Foley & Van Valin 1984: 149.

³⁰ Наша концептуальная конструкция в её нынешнем виде не учитывает теретически возможные залого, маркирующие конверсию ГСинт-актантов II⇒III или II⇒IV (без участия ГСинт-актанта I). Подобный залог изменял бы, например, глагол типа жаловать кому что в глагол, означающий то же самое, но управляющий по-другому: жаловать кого чем (ср. ещё дарить кому что ~ дарить кого чем). Такие залого можно назвать объективами. Я не включил их в основной текст, чтобы не утяжелять изложение.

³¹ Особый (не рассматриваемый здесь) случай — это пассивы, "удерживающие" прямое дополнение: косвенно-объектные пассивы английского типа (i) или пассивы от двойных переходных глаголов в киньяруанда (ii):

(i) *I was given a book.*

(ii) *Umu + góre a +ra +vuur +w +a*
 III женщина III ПРЕЗ лечит ПАСС АКТУАЛЬН
ín +kôróra n' úmugaanga
 IX кашель через врач.

букв. 'Женщина вылечивается кашель врачом'.

vs.

In +kôróra i +ra +vuur +w +a
 IX кашель IX ПРЕЗ лечить ПАСС АКТУАЛЬН
úmu + góre n' úmugaanga
 III женщина через врач

букв. 'Кашель вылечивается женщину врачом'.

(Признаюсь, что я не знаю, следует ли считать пассивы с удержанным прямым дополнением переходными или нет; я даже не представляю себе, какие соображения следовало бы использовать при решении этой проблемы.)

Встречается, наконец, и пассивизация непереходных глаголов с управляемым предлогом (ср. англ. *This dress cannot be sat down in*, букв. 'Это платье не может быть садимо в' = 'В этом платье невозможно сесть') — явление, которое обсуждать здесь всерьёз мы не можем.

³² Любопытная особенность пассива (связанная с его инherentной производностью) состоит в том, что он может быть обязательным, т.е. навязываться морфологическим и/или синтаксическим контекстом. Так, в целом ряде австронезийских языков (например, маори или мальгашский) переходный императив всегда или преимущественно должен быть в пассиве. В алгонкинских языках определённые формы переходных глаголов — при подлежащем, скажем, 2-ого лица и прямом дополнении 1-го лица — могут выступать лишь в пассиве (это объясняется необходимостью соблюдать строгую иерархию грамматических лиц: "младшее" лицо не может грамматически воздействовать на "старшее").

³³ Отсутствие настоящего параллелизма между "пассивом" и "антипассивом" уже отмечалось в литературе: см., например, Tsunoda 1988. "Антипассив" ни в коей мере не является операцией, обратной или противоположной пассиву, что подсказывается формой термина. Тем самым, этот термин способен создавать путаницу. (Типологический обзор явлений, которые принято называть "антипассивами", см. в Heath 1976. Из этой статьи, кстати, хорошо видно, насколько в действительности разнородны эти "антипассивы". В них смешиваются супрессивы, т.е. залоговые явления ГСинт-уровня, и детранзитивы, т.е. явления ПСинт-уровня. См. также Foley & Van Valin 1984: 168 и сл.)

³⁴ Я сознательно оставляю открытой третью возможность: отождествление двух разных Сем-актантов, как в 'X бреет X-а', т.е. в случае возвратных глаголов с одним ГСинт-актантом I: *X бреется*. Иначе говоря, я не отвечаю здесь на вопрос, следует ли считать рефлексивы залоговыми или нет, поскольку это не существенно для обсуждения ЭК. (В принципе, как мне кажется, рефлексивы не являются залоговыми: они совместимы с пассивами. Так, в литовском, например, рефлексивы пассивизируются, как и другие непереходные глаголы: *Petras ap +si +reng +ė* 'Пётр оделся' ~ *Petro ap +si +reng +ta*, букв. 'Петром одетось', и потому должны образовывать отдельную флективную категорию. Тем не менее, в ряде случаев, "возвратные" формы приобретают функции пассива и/или других залогов и, так сказать, втягиваются в залоговую систему.)

³⁵ Напомню, что в определении эргатива было предусмотрено его употребление для трансформации прямого дополнения при детранзитиве.

³⁶ Разумно ли называть медиум (= средним залогом) такие, например, формы, как во франц. *Ce livre se vend bien* 'Эта книга хорошо продаётся' или *Ce linge se lave mal* 'Это бельё плохо стирается'? С одной стороны, здесь явно наблюдается наращение смысла: что-то вроде 'X-ово поддаётся ...' = 'может быть X-ово ...'. С другой стороны, это обычные пассивные формы: *Ce livre se vend partout* 'Эта книга продаётся везде', *Cette porte se ferme à trois heures* 'Эта дверь закрывается в три часа' и т.д. Получается, что тут употребление термина *медиум* оправдано. См. в Levin 1987 убедительную параллель между данными французскими формами и медиумом в дьирбале (о последнем: Meičuk 1988: 188-189).

³⁷ Как легко видеть, в предлагаемом определении залоговой категории я стремлюсь максимально "развести" две типовые категории (которые, как правило, перемешиваются в реальных языках): с одной стороны, синтаксическое конвертирование и опущение ГСинт-актантов (эту и только эту категорию предлагается называть залогом); с другой стороны, семантическая модификация глагола — выражение "направленности, предназначенности" действия (это — категория версии). Прототипические залоговые явления по определению асемантические — строго в том смысле, что они не связаны с СемП-ом напрямую (что не мешает им играть важную семан-

тическую роль в сфере коммуникативной организации сообщения). В результате такого подхода понятие 'пассива' (по нашему определению) никак не связано с семантической ролью "пассивного" подлежащего, равно как и понятие 'супрессива'. Тем не менее, в действительности конкретные залого часто бывают сопряжены с теми или иными модификациями пропозиционального смысла глагола.

Залого разительным образом напоминают падежи (с каковыми они тесно связаны и по существу: выбор залога обычно обуславливает определённую падежную маркировку всех именных синтаксических актантаов глагола). Прототипические падежи также асемантичны — в том же смысле, что и залого: они не соотносятся с СемП напрямую, но выполняют исключительно важную семантическую функцию, маркируя ПСинт-роли именных групп, а тем самым обеспечивая правильное выражение смысла. При этом падежи, как правило, сами обрастают дополнительными смыслами; в некоторых языках семантические функции падежей даже преобладают. Мы, должны, однако, держаться при определении самого понятия падежа за синтаксическое назначение падежей. См., в этой связи, Wierzbicka 1981 и Mel'čuk 1986.

³⁸ Укажем интересный факт, уже отмечавшийся раньше (см., например, Mel'čuk 1988: 169): в дьирбале подлежащее в патетиве может контролировать сочинительный эллипсис подлежащего в номинативе, т.е.:

$$NP_{\text{пат}}^i + V' (и) NP_{\text{НОМ}}^i + V'' \Rightarrow NP_{\text{пат}}^i + V' (и) V''$$

Таким образом, при сочинении предложений синтаксическая функция подлежащего оказывается важнее его морфологической формы:

(i) [= (431) в Dixon 1972: 132]

ŋayguna ba +ŋgu +l gubi +ŋgu munda +∅ +n
 Я-ПАТЕТИВ этот ИНСТР МУЖ шаман ИНСТР ловить АКТ ПРОШ

Δ [*ŋaɔa* = я, NOM] *ba +gu +n ŋugumbil +gu balgal +ŋa +ŋu*
 этот ДАТ ЖЕН женщина ДАТ ударить ПАССПРОШ
 'Я попался шаману [= шаман овладел мной] и ударил женщину'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бокарёв, Евгений А., ред. (1950) *Эргативная конструкция предложения*. Москва: Изд-во лит-ры на иностр. языках. 218 стр.
- Жолковский, Александр К. и Игорь А. Мельчук (1967) О семантическом синтезе. *Проблемы кибернетики*, вып. 19, 177-238.
- Кибрик, Александр Е. (1979) Подлежащее и проблема универсальной модели языка. *Известия АН СССР, ОЛЯ*, 38: 4, 309-317.
- Климов, Георгий А. (1973) *Очерк общей теории эргативности*. Москва: Наука. 264 стр.
- Климов, Георгий А. (1977) *Типология языков активного строя*. Москва: Наука. 319 стр.
- Козинский, Ицхак Ш. (1983) *О категории "подлежащее" в русском*

- языке. Москва: Институт Русского языка АН СССР. [=Предварительные публикации Проблемной группы экспериментальной и прикладной лингвистики, вып. 156].
- Мельчук, Игорь А. (1974) Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". Москва: Наука. 314 стр.
- Мельчук, Игорь А., и Елена Н. Саввина (1974) О формальной модели синтаксиса алюторского языка. В: Предварительные публикации Проблемной группы экспериментальной и прикладной лингвистики, вып. 55. Москва: Институт Русского языка АН СССР. 15-32.
- Мельчук, Игорь А., и Александр А. Холодович (1970) К теории грамматического залога. (Определение. Исчисление). Народы Азии и Африки, № 4, 111-124.
- Полинская, Мария С. (1988) Особенности употребления пассивной конструкции в языке маори. В: Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. II, Москва: Наука. 27-45.
- Холодович, Александр А., ред. (1974) Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Ленинград: Наука. 382 стр.
- Храковский, Виктор С., ред. (1978) Проблемы теории грамматического залога. Ленинград: Наука. 288 стр.
- Храковский, Виктор С., ред. (1981) Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Ленинград: Наука. 286 стр.
- Andersen, Paul (1989) Remarks on the Origin of the Term "Passive". *Lingua*, 79:1, 1-16.
- Bani, Ephraim, and Terry J. Klokeid (1976) Ergative Switching in Kala Lagau Langgas. In: P. Sutton, ed., *Languages of Cape York*, Canberra: Australian Institute of Aboriginal Languages, 269-283.
- Bader, Yousef, and Michael Kenstowicz (1987) Syllables and Case in Kabyle Berber. *Lingua*, 73: 279-299.
- Barber, E.J.W. (1975) Voice — Beyond the Passive. *Proceedings of the 1st Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 16-24.
- Catford, John C. (1976) Ergativity in Caucasian Languages. *Recherches linguistiques à Montréal* [Actes du VIme Congrès de l'Association linguistique du Nord-Est, 31 oct.- 2 nov. 1975], 6, 37-48.
- Chung, Sandra (1976) On the Subject of Two Passives in Indonesian. In: Li, ed. 1976: 57-98.
- Chung, Sandra (1977) Maori as an Accusative Language. *The Journal of the Polynesian Society*, 86:3, 355-370.
- Chung, Sandra (1978) *Case Marking and Grammatical Relations in Polynesian*. Austin - London: University of Texas Press. 401 pp.
- Comrie, Bernard (1973) The Ergative: Variations on a Theme. *Lingua*, 32:3, 239-253.
- Comrie, Bernard (1977) In Defense of Spontaneous Demotion: The Impersonal Passive. In: Peter Cole and Jerrold M. Sadock, eds, *Grammatical Relations* [= *Syntax and Semantics* 8], New York etc.: Academic Press, 47-58.
- Comrie, Bernard (1978) Ergativity. In: W. Lehman, ed., *Syntactic Typology*:

- Studies of the Phenomenology of Language* , Austin: University of Texas Press, 329-394.
- Comrie, Bernard (1981) Ergativity and Grammatical Relations in Kalaw Lagaw Ya (Saibai Dialect). *Australian Journal of Linguistics* , 1:1, 1-42.
- Davis, Philip, and Ross Saunders (1989) Language and Intelligence: The Semantic Unity of -m- in Bella Coola. *Lingua* , 78: 113-158.
- Dixon, Robert M.W. (1972) *The Dyirbal Language of North Queensland* . Cambridge: Cambridge University Press. 420 pp.
- Dixon, Robert M.W. (1979) Ergativity. *Language* , 55:1, 59-138.
- Dixon, Robert M.W. (1987) Studies in Ergativity. Introduction. In: Dixon, ed. 1987: 1-16.
- Dixon, Robert M.W., ed. (1976) *Grammatical Categories of Australian Languages* . Canberra: Australian Institute of Aboriginal Languages. 776 pp.
- Dixon, Robert M.W., ed. (1987) *Studies in Ergativity*. Amsterdam etc. : North-Holland. 370 pp. [= *Lingua* , 71: 1-4].
- Durie, Mark (1987) Grammatical Relations in Acehnese. *Studies in Language* , 11:2, 365-399.
- Foley, William, and Robert Van Valin Jr. (1984) *Functional Syntax and Functional Grammar*. Cambridge etc. : Cambridge University Press 416 pp.
- Gibson, Jeanne D., and Stanley Starosta (1987), Ergativity East and West (ms).
- Goddard, Cliff (1982) Case Systems and Case Marking in Australian Languages: A New Interpretation. *Australian Journal of Linguistics* , 2: 2, 167-196.
- Hale, Kenneth (1973) Deep-Surface Canonical Disparities in Relation to Analysis and Change: an Australian Example. In: T.A.Sebeok, ed., *Current Trends in Linguistics* , vol. XI — *Diachronical, Areal and Typological Linguistics* , The Hague: Mouton, 401-158.
- Haspelmath, Martin (1988) Passive Morphology: A Cross-Linguistic and Diachronic Study (ms).
- Heath, Geoffrey (1976) Antipassivization: A Functional Typology. *Proceedings of the 2nd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* , 202-211.
- Hohepa, Patrick W. (1969) The Accusative-to-Ergative Drift in Polynesian Languages. *Journal of the Polynesian Society* , 78:3, 295-329.
- Holisky, Dee Ann (1987) The Case of the Intransitive Subject in Tsova-Tush (Batsbi). In: Dixon, ed. 1987: 103-132.
- Hopper, Paul J., and Sandra A. Thompson (1980) Transitivity in Grammar and Discourse. *Language* , 56:2, 51-99.
- Keenan, Edward (1976a) Towards Universal Definition of "Subject". In: Li, ed. 1976: 303-333.
- Keenan, Edward (1976b) Remarkable Subjects in Malagasy. In: Li, ed. 1976: 247-301.
- Keenan, Edward (1985) Passive in the World's Languages. In: Timothy Shopen, ed., *Language Typology and Syntactic Description* , 1. Clause

- Structure* . Cambridge etc.: Cambridge University Press, 243-281.
- Kibrik, Alexander E. (1985) Toward a Typology of Ergativity. In: Johanna Nichols and Anthony C. Woodbury, eds, *Grammar Inside and Outside the Clause* , Cambridge: Cambridge University Press, 268-323.
- Levin, Beth (1987) The Middle Construction and Ergativity. In: R. Dixon, ed. 1987: 17-32.
- Li, Charles, ed. (1976) *Subject and Topic* . New York etc .: Academic Press. 594 pp.
- Mallinson, Graham, and Barry J. Blake (1981) *Language Typology: Cross-Linguistic Studies in Syntax* . Amsterdam etc .: North-Holland. 486 pp.
- Mel'čuk, Igor (1978) Toward a Definition of the Concept "Ergative Construction". In: Wolfgang U. Dressler and W. Meid, eds, *Proceedings of the XIIth International Congress of Linguists, Vienna 1977* , Innsbruck: Universität Innsbruck, 384-387.
- Mel'čuk, Igor (1979) *Studies in Dependency Syntax* . Ann Arbor, MI: Karoma. 163 pp.
- Mel'čuk, Igor (1982) *Toward a Language of Linguistics* . München: W. Fink.
- Mel'čuk, Igor (1986) Toward a Definition of Case. In: Richard D. Brecht and Jules S. Levine, eds, *Case in Slavic* , Columbus, OH: Slavica, 35-85.
- Mel'čuk, Igor (1988) *Dependency Syntax : Theory and Practice* . Albany, N.Y.: State University of New York Press. 428 pp.
- Mel'čuk, Igor, and Nikolaj Pertsov (1987) *Surface Syntax of English . A Formal Model in the Meaning-Text Framework* . Amsterdam - Philadelphia: Benjamins. 526 pp.
- Mel'čuk, Igor, and Elena Savvina (1978) Toward a Formal Model of Alutor Surface Syntax: Predicative and Completive Constructions. *Linguistics* , Special issue, 5-39.
- Pernée, Lucien (1984) Passif et moyen en grec ancien. In: *Le passif* [= *Travaux du Cercle linguistique d'Aix-en-Provence* , 2], Aix-en-Provence: Université de Provence, 93-102.
- Plank, Frans, ed. (1979) *Ergativity: Toward a Theory of Grammatical Relations* . London etc .: Academic Press. 569 pp.
- Polinskaja, Maria S. (1989) Object Initiality: OSV. *Linguistics* , 27, 257-303.
- Postal, Paul M. (1986) *Studies of Passive Clauses* . Albany, N.Y.: State University of New York Press. 271 pp.
- Schachter, Paul (1976) The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor, Actor-Topic, or None of the Above. In: Li, ed. 1976: 491-518.
- Silverstein, Michael (1976) Hierarchy of Features and Ergativity. In: Dixon, ed. 1976: 112-171.
- Shibatani, Masayoshi (1985) Passives and Related Constructions. *Language* , 61: 4, 821-848.
- Shibatani, Masayoshi, ed. (1988) *Passive and Voice. (Typological Studies in Language* , 16). Amsterdam: Benjamins. 706 pp.
- Sinclair, M.B.W. (1976) Is Maori an Ergative Language? *Journal of the Polynesian Society* , 85: 1, 9-26.

- Tchekhoff, Claude (1978) *Aux fondements de la syntaxe: l'ergatif*. Paris: Presses universitaires de France. 202 pp.
- Timberlake, Alan (1987) Metalanguage. In: W.P. Lehman, ed., *Language Typology 1985* [= *Current Issues in Linguistic Theory 47*], Amsterdam-Philadelphia: Benjamins, 77-104.
- Tsunoda, Tasaku (1985) Remarks on Transitivity. *Journal of Linguistics*, 21, 385-396.
- Tsunoda, Tasaku (1988) Antipassives in Warrungu and Other Australian Languages. In: Shibatani, ed. 1988, 595-649.
- Wierzbicka, Anna (1975) Why 'kill' Does not Mean 'cause to die' — the Semantics of Action Sentences. *Foundations of Language* ,13, 491-528. [См. также в: A. Wierzbicka, *Lingua Mentalis . The Semantics of Natural Language* , 1981, Sydney etc.: Academic Press, Chapter 5.]
- Wierzbicka, Anna (1981) Case Marking and Human Nature. *Australian Journal of Linguistics* ,1: 1, 43-80.